

Сяргей Ваганаў

Я ВЕРУ Ў ЦУД

Вершы розных гадоў
(1963–2018)

Мінск, «Кнігазбор», 2018

УДК 821.161.3-1
ББК 84(4Беи)
В12

Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў
«Кнігарня пісьменніка». Выпуск 113.
Заснаваная ў 2009 годзе.

Ваганаў, С.
В12 Я веру ў Цуд : вершы розных гадоў (1963–2018) / Сяргей Ваганаў. — Мінск : Кнігазбор, 2018. — 140 с. : [8] с. іл — (Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў «Кнігарня пісьменніка» ; вып. 113).
ISBN 978-985-7207-38-1.

Вершы, сабраныя ў гэтай кнізе, ствараліся журналістам Сяргеем Ваганавым цягам жыцця, але амаль нідзе не друкаваліся, за выключэннем часопіса «Дзеяслоў», газеты «Народная Воля», альманаха «Мишпоха» і Сеціва. Такім чынам, гэта першая паэтычная кніга аўтара, у якой вы знойдзеце і любоўную лірыку, і філасофскую, і грамадзянскую — на беларускай і рускай мовах. Вершы наўмысна не пазначаны аўтарам канкрэтнымі датамі, бо, як ён лічыць, вельмі важна ўспрымаць іх з адчуваннем безупыннасці Часу.

У кнізе — фота з сямейнага архіва (на ўклейцы), здымкі аўтара, Анатоля Каляды (с. 3) і Юрыя Іванова. Калаж да другога раздзела (с. 31) — Юрыя Іванова.

УДК 821.161.3-1
ББК 84(4Беи)

ISBN 978-985-7207-38-1

*Прысвячаецца маёй жонцы
Але Ваганавай*

Саскрабаючы наледзь

Тут цуд такі: аўтар гэтай кнігі ў цуд насамрэч верыць. Не зважаючы на досвед жыцця. Таму й піша вершы.

Пачаў пісаць напачатку 60-х мінулага стагоддзя. Тады ўсе пісалі. Усе «шасцідзясятнікі» — паэты. І па светапоглядзе, па светаразуменні Сяргей Ваганаў з іх кагорты:

Пытаннем скончыцца жыццё
Ці ў рэшце рэшт паставіць клічнік,
А застанецца ўсё ж адно:
Вакно,
Чырвонае лісцё,
І гэты сонечны кастрычнік!..

Гэткае светаадчуванне ўзнікла ў паэтаў таго часу праз так званую «адлігу», і яны яго не згубілі, нягледзячы на тое, што на адлігу даволі хутка леглі маразы:

Над Рыгай подых снежнае зімы.
Гудзе пажар сярэднявечнай сцюжы...
Гараць саборы, ліхтары, дамы...
А цемра па завулках вочы мружыць.

Яны, паэты таго часу, саскрабалі з адлігі, як дворнік у вершы Ваганава, снег і наледзь.

З часам чалавека пакідае так неабходная для паэзіі энергетыка, але Ваганаву ўдалося і гэтага пазбег-

нуць. Вершы апошніх гадоў (раздзел «XX век: семейный альбом») ці ні найлепшыя ў кнізе. Гэта такі дзённік сям'і, напісаны сынам і за маці, якая ў першыя дні вайны на шостым месяцы цяжарнасці ратавала яго, пешшу сыходзячы з палаючага Мінска, і за бацьку-франтавіка, які амаль год не ведаў, ці жывыя ягоныя жонка і сын. За сястру, партызанскую сувязную, якую «распяли на стене сарая в глухих задворках узденской тюрьмы». За расстралянага ў 1937-м дзядзьку і ягоную сасланую жонку, за іх дзяцей Алу і Марата, за брата, які павесіўся пасля вайны мінулай, бо яму, мусібыць, здалося, што ён напярэдадні вайны будучай...

За драмай сям'і паўстае трагедыя народа, якую адчуваеш востра, балюча, бо гэта жыццё і смерць, лёсы родных, крэўных людзей... У вершах чалавечая роспач: як так сталася? У іх стоена б'ецца, пульсуе жывы боль. Яны такія пранізлівыя, нібы напісаныя не цяпер, а тады, калі ўсе былі яшчэ жывыя — і ўсім балела:

Живёт во мне подарком Бога,
Под плач оборванной струны,
Во чреве матери дорога
Во чрево вздыбленной страны...

Каб так сказаць, мала ўмець пісаць вершы. Трэба мець біяграфію, лёс, сплецены з біяграфіяй «вздыбленной страны». Аўтар кнігі такі лёс мае, таму і маем мы гэтую кнігу.

Уладзімір Някляеў

Галінка прарастае ў Сусвет

Усё часцей
кідаю позірк ў неба

* * *

Галінка прарастае у Сусвет.
Адкуль, скажыце, тут яна з’явілася?
З якога зерня, што сярод планет
Блукала ды за нашу зачапілася?
Ёй цёпла тут —
Між веснавых прыкмет.
Пупышка... лісцік...
Простая галінка...
Галінка прарастае у Сусвет.
Туды, дзе Вечнасць — што адна хвілінка.

* * *

Шкрабе ад раніцы лапаціна ў двары.
Напэўна, снег.
Святло ў маім акенцы.
А сёння дзень які ў календары?
Пад белай вокладкай, што ціха зранку тчэцца?
Якіх, скажыце мне,
Часоў няпэўны збег
Стаў новага стагоддзя нараджэннем?
А снег ідзе.
Ідзе вялікі снег —
Святлом у вокны, роўным абуджэнню.
Бясконцы мой перадсвітальны сон,
Не змучаны ні навіной, ні датай...

Які ён лёгкі!
Безжурботны ён...
А дворнік усё скрэбае лапатай.

* * *

Над Рыгай подых снежнае зімы.
Гудзе пажар сярэднявечнай сцюжы...
Гараць саборы, ліхтары, дамы...
А цемра па завулках вочы мружыць.
Пажар! Пажар!
Згараюць ліхтары
На плошчы, дзе завея з гулам жахавым
Чытае вершы ажно да зары
Дый грае на аргане фугі Бахавы...
Вось так праз ноч,
Да раніцы,
Датла
Згараць
І з прыску узгараць нанова...
Вядзерца... шуфлік... шэры снег... мятла...
Заціхла Музыка.
Замоўкла Слова.

Я веру ў Цуд

Я веру ў Цуд, але не веру ў Бога.
Ніяк Яго з сабой не спалучу.
Што, каб не Ён, дык не было б нічога?
Што, каб не Ён, ніхто б нас не пачуў?
Ад небыцця у небыццё дарога —
І гэта ўсё, што створана Адтуль?

Яго няма нябеснага й зямнога!
Бо дзе Ён? Дзе?
Нідзе.
Бо Ён паўсюль...

Я веру ў Цуд, але не ў цуды.
У Цуд бясконцага Жыцця.
У Бога, што жыве паўсюды,
Ратуючы ад небыцця...
Сам па сабе жыве.
Без Юды...

Чатыры кулі

Памяці Барыса Нямцова

Чатыры кулі,
Шэсць смярдзючых гільзаў...
І цела, распасцёртае на фоне
Крамля,
Дзе утаропіў вочы ўніз
Забойца, стаўшы, як той цар на троне...
Ні да чаго ўжо прыгажосць манер
І цьмяныя выгібы лабірынта...
Адліты кулі ў СССР.
Расія тымі кулямі забіта.
Ўсяго чатыры...
Шэсць смярдзючых гільзаў...
Зусім няшмат, каб вынішчальна-здзекліва
Вар'яцтва страху вырвалася з
Жарала, праз якое паліць пекла.
Хаўруснікі, што вылеплены з бруду,
Паўзуць да трону звыклай каляінай...

Ім назаўжды пазаставацца Юдамі
Ля цела распасцёртае краіны...

Печы

Памяці Сашы Коржыча

Цяпер не ўстаць мне, ані легчы...
Адно ўзляцець, нібы анёл.
Мяне спалілі вашы Печы.
Цяпер я сорам ваш і боль...
І з вышыні, з нябёсаў зорных,
Гляджу, як тлусты чорны дым
Паўзе ад Печаў тых «узорных»
Жалобай не па мне адным.

Ды нас тут столькі, што я нават
Пералічыць не паімкнуся...
Навошта ж ты нас нараджала,
Айчына наша, Беларусь?!

І тым апошнім летнім ранкам,
У росны салаўіны час,
Навошта нашы маці з ганка
У войска выпраўлялі нас?

Ды дзе ж, скажыце, тое войска,
Ў якім так хочацца служыць?
Пасля якога з ласкі Боскай
Ты вернешся кахаць і жыць?

Жыццё, калі наўкол «шакалы»,
Нібы хаджэнне па лязу...
Хай прэзідэнт і генералы

Льюць кракадзілаву слязу,
Я не вярнуся з высяў зорных,
Хоць сэрцам да матулі мкнуся.

Дыміць Пячамі крэматорый —
Дзяржава з назвай Беларусь.

Паедзем паядзім

На што, гляджу я, «Бульбаш-хол» падобны?
Вялікі архітэктар быў мастак.
Пад рэстаран будынак той падроблены.
А насамрэч — гулагаўскі барак.

Там не сталы, а шэраг стылых нараў.
З унутраных — афіцыянты — спраў.
І кухары для вас гатуюць стравы...
Не елі вы шчэ гэткіх смачных страў.

І запрашаюць вас паесці ў Курапаты.
І падвязуць праз цемру страшных ночак.
Чакаюць вас шыкоўныя салаты —
Свінец і жоўты, поўны рот, пясочак.

Начны анёл

Ляціць, на скрыпачцы іграе
Сярод паўночных аблачын.
Няўлоўна раптам узнікае,
Знікае раптам ў далячынь...
Бязмежная яго свабода.
З усмешкай ціхамірнай твар.
Ад боскасці яго прырода.

Ці з чалавечых вечных мар?
У змрочнай далі, без маны,
У зморы ад пакутаў лёсу,
Пачуй з палёў павеў зямны.
І гукі скрыпачкі з нябёсаў...

Вечныя пытанні

З якіх тысячагоддзяў,
Ў які мільён гадоў
Зямлі ў Сусвеце гойдацца
На крылах ветракоў?
Мы верым: не зачыніцца
Няспынны млын для нас.
А што, калі ён спыніцца,
Ў муку змалоўшы Час?
Мо нейкія прапелеры
Нясуць удалячынь...
Зацята ў гэта верым мы.
Хаця з якіх прычын?
Нябесныя арэлі
Мы ўсе ў дзяцінстве снім...
Адкуль мы прыляцелі?
Куды цяпер ляцім?

Позірк

Усё часцей кідаю позірк ў неба,
У сінь паміж пякельных аблачын.
Якая ж у тым позірку патрэба?
Якую ён шукае далячынь?
Ці на Зямлі яму няма спакою?

Ці ў прыцяжэнні адчувае страх?
Ці прагне ён намацаць, як рукою,
Сусвету твар, бы мацае сляпак?
Ці так, ці гэтак...
Што б там ні было,
Шукае позірк ў бездані акенца:
Мо хто адтуль нарэшце адгукнецца...
І запануе на Зямлі Святло.

* * *

Ці чуеце вы нашы галасы,
Суседзі недасяжныя ў Сусвеце?
Ці бачыце, як з кожнае вясны
На дрэвах распускаюцца суквецці?
І п’юць блакіт завоблачных крыніц,
І набрыняюць жыватворным сокам...
З якіх неверагодных таямніц
Вы сочыце Усёвідушчым вокам?

* * *

Пытаннем скончыцца жыццё
Ці ў рэшце рэшт паставіць клічнік,
А застанецца ўсё ж адно:
Вакно,
Чырвонае лісцё,
І гэты сонечны кастрычнік!..

Пачуйце вы
і мой званок...

Віктару Казько

* * *

Каб ведаў я, што жыць мне засталося
Яшчэ палову добрую жыцця,
Паехаў бы у Вільчу я,
І спаў бясконца,
І еў клубніцы,
Як дзіця.
Лавіў бы рыбу,
Плёскаўся б на плёсе,
Пісаў бы вершы Віктару Казьку...
Не вельмі клапаціўся б я аб лёсе
На белым-белым на Случы пяску.
У тых бы вершах біў бы я паклоны
Старым, магутным вільчынскім дубам.
І пасылаў шалёныя праклёны
Усім «Знамёнкам», «Нёманам», «Трудам»...
І цяпнуўшы гарэлкі ледзь не кружку
(Няхай язык што хоча, то пляце!),
Я б цалаваў заветраную грушку,
Што на Палессі кожны год цвіце.

15 жніўня 1976 г.

* * *

Год Дзевяноста шосты, красавік,
Дзень Дваццаць трэці, сонечны аўторак...
Яшчэ не ўбіты ў дах апошні цвік,
Яшчэ не затупіўся твой аловак.
І да нашчадкаў ласціцца рака,
Вышынь празрыстых непаўторна рэха.
Чаромха, нібы хвалі малака,
Яшчэ надзеяй цешыць чалавека.
І цеплынёй бруіць цяжар зямлі,
І першай кропляй набрыняе неба,
Чакаючы бясконцае ралі...
Ну, што яшчэ табе, мой дружа, трэба?
Як быў, так ёсць і будзе красавік,
Як быў, так ёсць і мусіць быць аўторак...
Яшчэ не ўбіты ў дах апошні цвік.
І зноў вастрыцца з ранку твой аловак...

23 красавіка 1996 г.

* * *

Яшчэ у лесе снег трывалым мурам
Ляжыць, нібыта чый забыты верш.
Пад вечар думаў пра «Ката...», каторы з гумарам.
Ад ранку думаў пра цябе найперш.
І пра гадоў імклівых плынь адвечную,
І пра калыску матчынай зямлі...
Падвесіў Бог яе да шляху Млечнага,
Каб зоркі калыхаць яе маглі...
Ну, што яшчэ табе сказаць, мой дружа?

Здаровы будзь!
І, як заўсёды, дужы!

23 красавіка 2017 г.

Генадзю Бураўкіну

З нагоды выдання кнігі вершаў «Лісты да запатрабавання»

Я Вашыя лісты патроху
Чытаў у позняе цішы.
Нібыта нехта ў дарогу
Паклікаў з таямніц душы —
Праз цемру да святога рання,
Праз лес, рачулку, сенажаць...
«Лістам да запатрабавання»
Ніколі ў скрынях не ляжаць...

«Ў» — званок

Вось гэты ходзіць ў Інтэрнэт,
Той не вылазіць з рацыі...
Такі малы ста«Ў» белы свет
Ад іх глабалізацыі!
Адно праз мары, мроі, сны,
Нябёс буслiны клёкат
Плывуць Паэзіі званы
Высока і далёка.
Між тым, паблізу ці здалёк,
Ці то «Ў»нутры, ці звонку
Пачуйце Вы і мой званок,

Хоць і не вельмі звонкі.
Не кліча ён натоўп на веча,
Ды мае голас чалавечы...
Прыміце «Ў» дар, каб зно«Ў» і зно«Ў»
Склікаць усіх сваіх сябро«Ў»...

Галерэя «Ў», 14 верасня 2011 г.

Уладзіміру Някляеву

Паэты нараджаюцца двойчы

Што ж ты рабіў ў прамежку Дзён народзінаў?
Чаго шукаў ва ўзросце немаўляці?
Ці ж ведаў, што шляхам тваім Валодзевым
Наканавана душы узараці?

Пяро тваё не зморана ў сяўбе...
Але па што твая душа блукала?
Ці ты шукаў Паэзію ў сабе,
Ці то Паэзія ў табе сябе шукала...

9–11 ліпеня 2017 г.

* * *

Пратаколы, позвы, суддзі...
Ўсё гэта праміне калісьці.
Паэт заўжды Паэтам будзе!
Анёлам з Боскае калыскі.

28 сакавіка 2016 г.

* * *

Не сапсуе ніводзін прайдзісвет
Наш свет прыветны,
Нашы святы,
Калі працягнем праз душы Сусвет
Святло сяброўства ў нашы хаты...

28 ліпеня 2016 г.

* * *

Хоць пачынаўся шлях праз менскі Брод,
Ты броду не шукаў — ні малады, ні сівы...
Твайму жыццю няма альтэрнатывы:
Паэт жывы, пакуль жывы Народ.
Народ жывы, пакуль Паэты жывы...

9 ліпеня 2017 г.

* * *

У Бруселі ты, ў Варшаве, альбо ў Рызе, —
Гучыць усюды твой прызыўны верш.
І ў голасе, і ў памяці, і ў кнізе...
Але ў душы гучыць твой верш найперш.

Душа твая не ведае прымусу.
Да Волі і Святла заўжды ішоў,
Каб больш не давялося Беларусі
Ліць слёзы ля пакутніцкіх крыжоў.

9 ліпеня 2018 г.

Анатолю Рэпіну

Карані

Якая восень!
Чырванее лес.
Прымоўк на варце вартаўнік-ядловец.
Такі неперакладны ціхі змест
Ва ўсім.
Такая, Толя, споведзь...
Чаму ж, скажы, то стрыт, то авеню
Так вабяць нас?
Але ж на сэрцы горка.
Мо быццам нейкі цвік у кораню,
Якім спрадвеку ёсць твая Мар'іна Горка...
Калі пачуцці прагнуць цішыні,
Як той крынічны свет на небасхіле,
Не авеню нас цягнуць — карані.
Той родны кут, які табе так мілы.

1991

Сергію Жадану

Тэрор

Навошта ім памежны той кантроль,
Калі яны ва ўсялякім разе —
Мо не заб'юць —
Праб'юць па іхняй базе
Паэта, што нясе у сэрцы боль...
Нібы ваўка, заганяць у аблогу,

Развесіўшы чырвоныя сцяжкі...
Няхай галовамі паб’юцца аб падлогу,
Не перакрыць паэтаву дарогу.
Не дапамогуць ні сцяжкі, ані бажкі —
Іх сталіны з іванамі жахлівымі.
Іх пуціны...
Астатніх чорт бяры.
Гарэць у пекле ім з усімі ксівамі
Не з сённяшняй, дык з будучай пары...
Паэту ж вольнаму — заўжды Спакой і Воля.
Сяброўства спеў і боскіх зорак хор...
Што, напужаў паэтавы тэрор?
Тэрор Любові ўперамежку з Болем...

11 лютага 2017 г.

Уладзіміру Сцяпану

* * *

Хай будзе пэндзаль падуладным Мастаку!
А вуда — падуладнай Рыбаку!
Хай нараджаецца з вушацкіх рэчак Слова —
Жыцця і Вашай творчасці аснова...

22 студзеня 2017 г.

* * *

Добрай раніцы, рака!
Вожык, прывітанне!
Вось табе мая рука,
Конь, сустрэты з рання!

Кінуў вуду я ў раку
І сяджу, чакаю...
Мо якому шчупаку
Адкажу: «Вітаю!»

7 верасня 2017 г.

Георгію Ліхтаровічу

Табе адпачываць не варта.
Хай «гарыкі» кагосьці вабяць,
Калі ідзе «Начная варта»,
То хто ж «Ліхтарыкі» запаліць?!

Міколе Захаранку

Няхай жыцця імкліва рушыць кола,
Якая асалода зноў і зноў
Вяртацца да Захаранкі Міколы
І да яго заўжды чароўных слоў!

Віталю Цыганкову

Блакітам набрыняе даль.
А чырванню — лісцё...
Усё ж нездарма імя Vіталь
Ад першароднага «жыццё»...

Вершаванкі

Пра слова

Слова не трымай у запасе.
Скісне, калі там трымаць.
Ва ўсялякім слушным разе
Слова мусіць працаваць.

Пра сэрца

Я сэрца сваё не пакіну
Усюды, куды ні памкнуся...
Дзе сэрца маё, там Айчына.
З айчынай маёй — Беларуссю...

Пра дух

Не ведаю, якім ты кіраваўся рухам,
Фэйсбук.
Але — у кропку.
Бо так яно і ёсць:
Не па крыві, але адзіным духам
Яднаюцца Народ, Айчына, Лёс...

Пра сапраўдных

Паветра словамі калышучых
Зашмат з усіх бакоў паўстала —
Пра ўсё гаворачых і пішучых...
Сапраўдных мала.

Пра позна і рана

Сябры, не будзем заракацца
І на хваробы наракаць.
Яшчэ нам рана — «Так трымацца!»
Яшчэ не позна — «Так трымаць!»

Пра снежань

Чакаем у снежні снегу мы,
Без снегу снежань — спрэс маркота...
Мо не хапае толькі кроку
Ад беларускае зімы
Да апельсінаў...
Як з Марока.

Пра начальніка

Не крыўдуй, калі начальнік
Разяўляе мацюгальнік —
Смачным словам лашчыць слых...
Усё-ткі лепей, чым пад дых...

Пра вышыванку

Хоць з шабляй ты які Чапай,
Хоць з кулямётам Анка,
А Беларусі не чапай,
Бо спаліць ВЫШЫВАНКА!

Пра працэс

Як выглядае ён убога —
Той звышзацягнуты працэс
У гэтых «верачых у Бога»,
Як некалі ў КПСС...

Пра партыі

У Амерыцы я быў бы дэмакрат,
Калі б і там я жыў як галадранец.
У краіне ж роднай не цярплю дыктат.
Таму я тут пакуль рэспубліканец.

Пра свабоду

Столькі словаў аб свабодзе!
А свабоды ўсё няма...
Штось зламалася ў прыродзе —
Затрымалася зіма...

Пра рухі

Белыя мухі, белыя мухі...
Самотнай душы патаемныя рухі.

Пра сустрэчу

Было трошкі цеснавата,
Хоць канапа — не Парнас...
Мо сяброўства вінавата,
Што ўціснуліся ў Час.

Пра шэсці

Глядзеў на тую з'яву я са скрухай,
І бачыў, як міліцыянт надоечы
За «парушэнне вулічнага руху»
Аштрафаваў Алега Грузьдзіловіча*.

Ляціць ў паветры тапаліны пух.
Квітнее над краінай травень сонечны...
І дзе ён толькі ўбачыў гэты рух?!
Ці нават зрух — той, вулічны, надоечы...

Пра прыгажосць

Калі з нябёсаў у маё жытло
Струмень бруіцца з поўні ртутны,
Ці жыватворнае, пытаюся, святло

* Алег Грузьдзіловіч — журналіст з «Радыё Свабода».

У прыгажосці?
Альбо смак атрутны...

Пра піва і каву

Калі нап'ешся піва зранку,
Дык ледзь дацягнешся да ганку...
А з філіжанкай добрай кавы
Лагодны будзеш і рухавы.

Пра ўцёкі

Каму спатрэбяцца уцёкі,
Звяртайцеся, аўто дамо,
Камплект ад сцюжы і ад спёкі...
І акуляры дадамо...

Пра Л. Я-ну ў Еўропе

Навошта ж спакушаць стары вулкан
Яшчэ адным апошнім днём Пампеі?
Яна ж яго таксама ўводзіць у зман,
Што ад каштоўнасцяў Еўропы ціха млее...
Яшчэ імкнецца нібыта ў Парыж.
Вось тут, як хочаце, паверце ці не верце,
Пасля Парыжу будзем ставіць крыж.
Бо толькі раз пабачыць і памерці...

Пра старасць

Не веру я, што сэрца бы ў дзіцяці.
Туды і знешнасць, і хада — да кучы...
Датычна розуму Альцгеймера спытайце.
А вось душа насамрэч неўміруча...

Пра дыскусіі

Рыпіць іржавы рэп на паваротах,
Бы салідол, густы салёны мат...
Ужо ні Карпава, ні Рудака, ні Горвата.
З дзярмом змяшаў іх безупынны батл...
Я паважаю нашых мудрых продкаў.
Таму хачу уставіць свой радок
У абарону добрых моўных сродкаў
І беларускай вёсачкі Прудок.

Пра дзядоў

Старымі сталі? Не бяды.
Аніякай крыўды.
Не зусім яшчэ дзяды.
Не дзяды, а дзіды.

Пра чарку і скварку

Ціхамірна скончыць сварку:
Выпіць чарку, з'есці скварку,
Паварушыць чорным вусам...
Што шчэ трэба беларусам?

Пра гарыл

Усе краіны спрэс малыя
Для нашчадкаў тых гарыл,
Хто праз межы зямлю рые
Ад Бярэсця да Курыл...

Пра журналістыку

Чым вымяраць адлегласць да навінаў?
Не кіламетрамі, не важкасцю манет...
Мо вытрымкай да незлічоных кпінаў
Ды колькасцю спалёных цыгарэт.

Пра атэістаў і вернікаў

Здаўна у нас вядзецца звычай:
То пуга, то салодкі пернік.
Як атэіст, дык ваяўнічы.
Як дабрадзей, дык толькі вернік.

Только тот, лебединый, тот единственный взмах

Поговорим на языке созвездий

Звёздный путь

Пускай уходят дни за днями,
За годом год,
За жизнью жизнь,
Одна звезда горит над нами.
И ты звездою назовись.
В моих делах, в моей тревоге,
В моей бессоннице ночной
Зову тебя своей звездой,
А ты зови меня дорогой...
Пусть будет этот звёздный путь
Широк, спокоен, чист и ясен.
Ты — свет.
И этот свет прекрасен
Тем, что мешает мне заснуть.

Я писем жду...

Я писем жду —
Приносит ветер охапки мокрых листьев.
Я писем жду —
В глазах собаки застыл осенний дождь.
Я писем жду —
Солома слетает с мокрой крыши.
Я писем жду —
А ты уже не ждёшь...

Букет

Опять душа согрета летом
И запахом июньских рос.
И этим солнечным букетом,
Который я тебе принёс...
Ты слышишь, как цветут луга,
Как затаилось в речке небо?
Как тихи детства берега,
Где нас давно с тобою не было.

Эхо

Где-то скорый над речкой грохочет,
И кричит паровоз, будто грач,
Разрывая полотнище ночи
Над притихшим курятником дач.
И его отдалённое эхо
Мы разделим по-братски, на двух.
Словно две половинки ореха,
Обращённые в зренье и слух...

Август в городе

Закрою глаза,
А голос твой слышен:
«Хочется вишен...
Хочется вишен...»
В окнах и рамах
День бестолковый.
Пороюсь в карманах,
Найду целковый,

Пойду на рынок —
День жаром пышет...
Сметана из крынок
Погребом дышит.
Веет холодом,
с детства знакомым...
Август над городом.
Полдень.
Истома.
И вдруг — словно дождик
Запляшет по крышам:
«Хочется вишен...
Хочется вишен...»

* * *

Прядёт ноябрь тугую нить заката.
Нежнейшие слова свиваются в клубок.
И в горле сдавленный комок
Твердит, как ты любил когда-то...
Прислушиваешься... За окном
Воспоминаний чуткий шорох.
То ветер листьев палых ворох
Гоняет за углом.
Ты вспоминаешь, как заря
Вставала над осенним утром.
Как разгорался с тихим гулом
Бездымный порох сентября.
И выстрел, словно шерсти клок,
Повис на сучьях с лёгким треском...
И над далёким перелеском
Голубоватый плыл дымок...

* * *

Стрекочет дождь по листьям,
По крышам шебаршит,
По виноградным кистям,
По дереву самшит.
По лужам барабанит.
По перепонкам бьёт.
Никак не перестанет.
Всё льёт, и льёт, и льёт...

Невыносима мука,
И тоньше волоска
Нелепая разлука.
Небесная тоска.

Дрожит огонь...

Приди ко мне на Куршскую косу.
Поговорим на языке созвездий.
Смахнём с волны янтарную слезу
Осенних холодов,
Сентябрьской поэзии.
Здесь чередой проходит смена вод.
Прилива час грядёт неторопливо.
И сосны, подпирая небосвод,
От моря смотрят в сторону залива,
Где расставляют сети рыбаки.
Дрожит огонь на охладевшей глади,
Как первый стих неопытной руки
На косо разлинованной тетради.

Автомобильный этюд

Из ночи в ночь,
В себя поверив,
Летим, не чувствуя вины.
А по обочинам деревья
Из воздуха сотворены.
Презрев законы постоянства,
Почти вслепую, как Икар,
Мы в тёмный силуэт пространства
Вонзаемся лучами фар.
Другими стали наши лица.
И сквозь змеиный ветра свист
Когда-нибудь тебе приснится
Летящий под колеса лист.
Своей судьбе в благодаренье
Он падал долго, не спеша,
Верша легчайшее паренье
И пыльным дождиком шурша...
Но в металлическом снаряде
Мы проносились вдоль Земли.
Тебя одной, не Бога ради,
Исчезнув росчерком вдали...

Жребий

Листья падают. Снова осень.
Чистых чисел высокий ряд.
Облаков голубиная просинь
Над душой совершает обряд.
И ничто уже не повторится.
Жребий брошен.

И вот итог:
Перевёрнутая страница
И прижатый к губам платок.

Наши дни

Возвратимся на кру́ги своя
В тополином ненастье июля.
Если люба и люб,
Значит, любим?
Возвратимся на кру́ги своя.
Дни ведь тоже, как белый пух,
Заворожены нежным ливнем.
Давай их в наш круг примем.
И подружимся с ними,
И станем в круг,
В котором нас будет больше двух —
Мы и наши дни с нами.
И закружимся в ливне —
Нежен он и упруг —
Над тополями.
Над городом сонным,
Над тихой рекой,
Над облаком даже...
Это надо же
Какой
Получается круг
Наших глаз, наших рук, наших губ
И дней наших.

Святая простота

Сегодня мы уже не те.
Не тот парад,
Не то обличье.
К святой, наверно, простоте
Приблизились до неприличья.
И хоть изменчив мир и груб,
Мы продолжаем мчать по кругу
Июльских дней
И рук,
И губ,
Однажды отданных друг другу.
Пришла пора вернуть кредит.
Отдать долги, проценты ссуды...
Но что-то душу бередит
И по живому рвёт сосуды.
Да, пусть не тот в сосудах ток,
И пусть движения неловки,
Но дышит тёплый завиток
На светлой внучкиной головке
В святой, от Бога, простоте.
Слепой любви,
Наивной вере...
Пусть мы уже совсем не те...
Ну, не совсем, в какой-то мере.

Сказала ты…

Сказала ты: «Поехали за город.
Там хорошо...»
Весенняя вода
Тревожит холодком,
Стекающим за ворот.
А, может, ни за что.
А, может, в никуда...

Там хорошо.
Озябшая душа
Взамен измен, любвей и полумрака
В ладошки тычется —
Заблудшая собака —
Ни поводка,
Ни крыши,
Ни гроша.

Там хорошо.
Там никаких проблем.
Там кажется, что жизнь остановима.
Лишь чьи-то фары проплывают мимо,
Чужие тайны увозя в Эдем.

Там хорошо.
Колючая вода
Тревожит холодком,
Стекающим за ворот.
А может — ни за что.
А может — в никуда...
И ты молчишь: «Поехали за город...»

Пара слов

Может, черкнёшь пару тёплых слов?
Уж больно тоскливо...
Мираж за окном.
Воплощением снов —
Воды Балтики и залива...
Если нет пары, черкни одно.
Если нет тёплых, черкни холодные...
Что б ни черкнула, всё равно
Они как в жару процедуры водные...

Ну, что тебе стоит? Черкни, давай.
Но только совсем не зачёркивай...

Ветер с Балтики

Вновь задувает ветер с Балтики!
Представь, какие в Ниде волны.
И дюны дышат, как астматики,
И сосны плачут, как валторны...
Я так соскучился по Ниде,
Что каждый ветра вздох оттуда,
В какой бы ни был я обиде,
Забытый отголосок чуда...
И всё, что было там, припомнится,
И станет даже важным очень...
А ветер с моря успокоится
Меж сосен, дюн и между прочим...

Всё будет…

Балтийских звёзд небесное качение.
Литовских сосен шум над головой.
И белых пен прозрачное шипение
О ледяной песок береговой...
Всё будет — зим колодезная вечность
И долгих вёсен бедные труды...
Мгновения уходят в бесконечность
Волны, смывающей твои следы...

Песенка

Метёт позёмка меж домами
И ветер свищет.
Кого он ищет между нами?
Кого он ищет?
Кого он ищет и не находит
И, словно дом,
Земля качается
И ходит ходуном.
Держись, дружище,
Пусть ветер свищет,
Не в первый раз
Он в нашем доме кого-то ищет.
Находит нас.

Ночной ангел

Летит, на скрипочке играет
Среди подлунных облаков.
Неуловимо возникает
То тут, то там, то был таков...
Как сладостна его свобода!
Как безмятежен чудный лик!
Божественна его природа.
Или её случайный миг?
Когда в неведомой дали
Устанешь от любовной муки,
Услышь дыхание земли
И скрипочки небесной звуки...

В ожидании весны

Капель за окнами шуршит,
Оплыл зимы огарок.
И солнце медные гроши
Бросает нам в подарок.
Мы подбираем их, спеша,
У каждой грязной лужи.
Освобождается душа
От леденящей стужи.
Иллюзия простых примет.
Бессрочных ожиданий.
Ты помнишь, сколько зим и лет
Свиданий, расставаний?
Но с первым проблеском весны
Начнётся всё сначала.
Ты эту тайную теплынь

У стужи замечала?
Ещё чуть-чуть, и хлынет свет,
Что нам обоим нужен.
С тех первых солнечных монет
У первых грязных лужин.

Казнь

Наверно, это всё-таки жара
Лишила нас и зрения, и слуха...
Ну, что ж, любимая, пришла пора
Держать ответ.
Хватило б только духа.

Прости за всё.
Но прежде — за любовь.
Её неосторожное явленье.
И всё-таки ты сердце не суровь,
Казня меня за это преступленье.

Я сам себе и узник, и палач.
Я сам себя
Втащил на эту плаху.
И всё-таки топор подальше спрячь,
Когда надену чистую рубаху.

И сам себя за самого себя кляня,
Я сам себе Голгофа и Цусима...
Жизнь без тебя смертельна для меня.
Но и с тобой она невыносима.

Не потому ли слово «жизнь» и слово «казнь»
Созвучны так,
И так по сути схожи...

Есть между ними гибельная связь —
От вскрика первого и до последней дрожи.

Увы

Увы, я не могу тебя забыть...
Нет, не тебя —
Своё воображенье
Тебя
В тумане головокруженья.
Увы, я не могу тебя забыть.

Увы, я не могу тебя забыть...
Нет, не тебя —
Своё отображенье
В твоих глазах,
Слезы сухое жженье.
Увы, я не могу тебя забыть.

Увы, я не могу тебя забыть...
Нет, не тебя —
Слепое притяженье —
К земле с небес
Бесстрашное скольженье.
Увы, я не могу тебя забыть.

Увы, я не могу тебя забыть...
Нет, не тебя —
Двух наших тел сраженье,
Где каждый обречён на пораженье.
Увы, я не смогу тебя забыть.

Забыть...
Избыть...
Не быть.

Как быть, любимая?

Как быть, любимая?
Как жить,
Когда сумятица весенняя,
Ручьёв разброд,
Солнцеворот,
И голо птичье пение?

Как быть, любимая?
Как жить,
Когда газетной нонпарелью
В набор расходуется жизнь,
Вся в ожидании апрельном?
Как быть, любимая?
Как жить,
Когда ревут на площади
Сто тысяч лошадиных сил,
И нету просто лошади?

Как быть, любимая?
Как жить,
Когда в асфальтовой излучине,
Моторов сдерживая прыть,
Как под веслом уключины,
Визжат колеса, тормоза,
И в суматохе свалочной
Назад-вперёд-вперёд-назад
Указывают палочкой?

Как быть, любимая?
Как жить,
Когда такой случился случай?
Жизнь промелькнёт звездой падучей...
Как быть, любимая?
Как жить?

Взмах
(стихи, дописанные спустя 48 лет)

1968-й...

Вечер дышит туманом,
И залив уже спит.
Домик Томаса Манна
Над заливом стоит.
От него недалече
Есть скамейка одна.
К ней сосна свои плечи
Прислонила, пьяна...
Говорю без обмана:
Вижу сон наяву —
Ты плывёшь из тумана,
Я навстречу плыву.
И над Смерти Долиной,
Над Змеиной Горой
Слышу взмах лебединый
Наших крыльев с тобой...

...2016-й

Над обрывом столетий,
В обрушенье времён
Нас никто не заметит,
Пролетим и умрём.
И исчезнут навеки
И туманы, и сны.
И сосна у скамейки,
И скамья у сосны.
И вечернее марево,
И свеченье кирхи.
И над Балтикой зарево,
И стихи...
И грехи...
Всё, что мялось из глины,
Перемелется в прах...
Даже первый, невинный
Поцелуй на губах.

Но над Смерти Долиной
Будет плыть в небесах
Только тот, лебединый,
Тот единственный взмах...

И свет в окошке
равен пробужденью

Заславль. Предчувствие весны

Воздвигнут храм среди холмов,
И вал насыпан крутобокий.
И электрички крик далёкий
Летит без меж и берегов.
На вкус, на запах и на цвет
Неразличимо расстояние,
И тайное весны признание
Ещё не обрело примет.
Ещё не проступает лик
Земли, овеянной снегами.
Но воздух, трепетен и дик,
Уже горит над куполами.
И боли нет уже... Легка
Душа, весь мир простить готова...
И ждёт возвышенного слова,
Плывущего, как облака.

Свет в окошке

С утра скребёт лопата во дворе.
Наверно, снег.
Наверно, свет в окошке.
Какой сегодня день в календаре
Под белой неизмятою обложкой?
Какой, скажи на милость, нынче век
В жилище вхож, подобно наважденью?..

А снег идёт.
Идёт великий снег.
И свет в окошке равен пробужденью.
Но нескончаем предрассветный сон,
Не омрачён ни новостью, ни датой...
Как лёгок он...
Как беспечален он...
А дворник всё скребёт своей лопатой.

Пожар

Над старой Ригой снежная зима.
Гудит пожар средневековой стужи.
Горят соборы, фонари, дома...
Дома горят, а переулки кружат.
Пожар! Пожар! Сгорают фонари
На площади, где вьюга, ахая,
Стихи читает или до зари
Играет на органе фуги Баха...
Вот так всю ночь, до самого утра,
Дотла
Сгорать и загораться снова...
Ведро... лопата... серый снег... метла...
Затихла Музыка.
И замолчало Слово...

Зов

Кружит над Прагой лист резной.
Кружит собор Святого Витта.
И воздух светел, как «Prazdroj»,
И хмелем голова повита.

О, как постичь хотя б на миг,
в бреду нащупывая броды,
и Града вознесённый лик,
и Влтавы полудённый блик,
бег вод и гулких арок своды?..
Стою на Карловом мосту,
о будущем не сожалея.
Как бедный рыцарь на посту...
«Живой, старик?»— «Навеселе я...»
И всё ловлю тот беглый миг,
когда пойму хмельной язык
златых небес.
Я к ним приник,
как брагой,
Прагой отогретый...
Хмель в голове.
В коленях качка.
Кружится лист.
Рябит река,
где бабье лето, словно прачка,
простирывает облака...

И слышу зов издалека.
Твой, Прага, зов:
«Ahoj, miláček!»

В вагоне

О, сумрачный воздух рассвета!
Пытаясь тебя превозмочь,
Грохочут колеса, а где-то
Ещё продолжается ночь.
Ещё в коридорах вагонных

Колеблется влажная мгла.
И тень от галактик просторных
На сонные лица легла.
Ещё не кончаются грёзы,
Ещё не торопится взгляд.
И только берёзы, берёзы
В окошке вагонном летят.
Всё мимо, и мимо, и мимо...
Дорогою в никуда.
Где горестно непоправимо
Рассветная тает звезда.

О, сад...

О, сад, плывущий в глубине
Прозрачного начала осени,
Не у тебя ль прощенья просим мы
За расставанье в тишине,
Где только яблок стук глухой
О землю, с первого мороза
Застывшую,
И где берёза
Горит прощанием с тобой...

Лисички

То ли сдуру, то ли спьяну
Дождик брызгает с небес.
На лисичкину поляну
Я забрёл в дремучий лес.
Что за глупая привычка
Глушь топтать в такую рань!

Раз лисичка, два лисичка,
Три... Ещё, куда ни глянь.
То гурьбой, то в одиночку,
То, считай, не больше трёх.
То взбираются на кочку,
То скрываются под мох...
Вспыхивают, словно спички,
(Даром, что ли, дождь грибной!)
Те лисички — переклички
Между небом и землёй.

Комаровка

Звонок: «Ты где?»...
А я уже
С утра кручусь на Комаровке*,
Хватая руль на вираже.
От сна к редиске и морковке.
Какой, однако, ветра свист,
И небо обложили тучи.
Но как всегда торгаш речист,
Хваля товар: «Мой самый лучший!»
С утра глотнуть морковный сок —
Ради него себя не жалко.
Прощай, мой сон! Прощай, сурок!
Не жизнь, а соковыжималка.

* Комаровка — главный рынок в Минске.

Весенний урок

Дочке Юле

Весна расшила тёплой гладью
Края разнеженных небес.
Но, словно школьник над тетрадью,
Ещё сосредоточен лес.
И хоть не кончилась отсрочка,
Какую выпросил февраль,
Всё неувереннее строчка
Становится.
А не пора ль
Забросить ручки и тетрадки,
Всё, заготовленное впрок,
И в лес пуститься без оглядки...
Пускай не выучен урок,
Пускай наивным, как ребёнок,
Останешься ты навсегда,
Когда, снегами запелёнут,
Манит весенний день туда,
Где на опушке солнце греет,
И в каждой ветке новизна,
Где, словно голубь, голубеет
Прохладная голубизна.

Прощание

Вот и песенка пропета,
Отлетает, не спеша,
Остывающего лета
Соловьиная душа.

А в затылок дышит осень.
Грешен всякий певчий звук.
Только слышен между сосен
Дятлов дробный перестук.
Ничего уже не надо:
Ни опаздывать, ни ждать.
Лишь одна за жизнь награда —
Умиранья благодать.
Без числа...
Предела...
Срока...
Но, безжалостно остра,
Точит лезвия осока
Возле старого моста.
Там, где зеркало озёрное,
Словно к тихим берегам,
Поздним светом озарённое,
Поднесут к моим губам.
Будет лёгким то прощание —
Не горячка и не тиф.
Улетит моё дыхание,
Зеркала не замутив.

Не рушь гнезда!

Не рушь гнезда!
Оно
Сродни твоей постели.
И дому твоему.
И памяти твоей.
Не рушь гнезда!

Оно
Доступней колыбели.
Не рушь гнезда
И птицы не убей!

Летучий корабль

Когда блеснёт последний луч
И наползут ночные тучи,
Всплывает призраком летучим
Корабль, даром что летуч...
Он помнит кораблекрушенье,
Он помнит катастрофы час...
Его спасло воображенье.
А он — воображенье спас.
Ну, как мы жили бы, когда бы
Не появлялся он во мгле
Воображеньем нашим, дабы
Жить получалось на Земле?!
Иль ни к чему воображенье?
И что, скажите, делать с ним?
Ведь всё равно Земли крушенья
Ужасный час неотвратим...
Но верю, поздно или рано
При свете чьей-нибудь луны
И мы всплывём.
Всплывём, земляне,
Воображеньем спасены.

И мальчик-инопланетянин,
Едва блеснёт последний луч,
Земли исчезнувший корабль
Увидит.
Даром что летуч...

Затмение и знамение

Когда в лучах невидимых Светила
Вошёл во мрак багровый лик Луны
И тень Земли её совсем накрыла,
Явился Марс знамением войны.

Устав любить, мы стали ненавидеть,
Рождая мрак.
И в ядерной пыли,
Не дай нам Бог когда-нибудь увидеть
Последнее затмение Земли.

Стена Плача

Время

Мы знаем: время растяжимо...
Самуил Маршак

Где б ни стояли мы,
Куда бы мы ни шли,
Оно незримо следует за нами.
Хоть в центре,
Хоть на краешке Земли
Мы без него не знаем, кто мы сами.
И пусть бесплотен его тайный дух,
Пусть плоть его бесстрастно равнодушна,
Мы вместе с ним вершим по жизни круг
То тихо, то отчаянно послушно.
Как сладко вдруг исчезнуть в Никуда,
И вновь себя вернуть из Ниоткуда!
Как будто после Страшного суда
Оно тебе открыло жизни чудо.
Кроме него никто бы нас не спас.
Оно, не ошибаясь, выбирает:
Или в бессмертие пускает нас,
Иль медленно, но верно убивает.

Стена Плача

Всё чаще снятся мне ушедшие друзья.
Они без стука входят в сон под утро.
Альберт, Володя, Саша, Костя, Юра...
Все молоды. И с ними молод я.

Прошедших лет горячая зола
Ещё не посыпает пеплом душу...
Хотя порядок этих лет нарушен,
Душа моя скорей добра, чем зла.

Она не помнит въедливых обид.
Тяжёлых ссор, размолвок, расхождений...
В ней нашей дружбы уголёк горит.
Посмертной дружбы тихий чистый гений...

Она от них прощения не ждёт
За дружеских объятий недостачу...
Всего лишь сон предутренний несёт
На Стену Памяти.
Иначе — Стену Плача.

И просит, если есть на свете Бог,
Чтоб на друзей моих не очень злился.
Чтобы друзей моих и ТАМ берёг.
И чтобы я под утро им приснился.

* * *

> Как жаль, что жизнь неповторима...
> *Константин Северинец*

Всё в этой жизни повторимо.
Всё сказано.
Отплакано навзрыд.
Всё так же тихо и неутомимо
Звезда с звездою вечно говорит...
Всё то же, как всегда, над нами небо,
И солнце то же, и в морях вода...
Не потому ли то, что было — не было,

А только лишь казалось иногда?
И тот фонарь.
Аптека тоже та же —
Твоей душе ниспосланный приют...
И то дитя, которого однажды
Твоим же именем случайно назовут...
И в час любви, и в полудённой дрёме,
Трудов завещанных в последний горький час —
Всё в этой жизни повторимо, кроме
Её самой.
Ну и, возможно, нас.

Погиб поэт...

Мне говорят: «В тебе погиб поэт...»
Наверно, говорят из чувства лести.
Мол, если б жив он был, стихов чудесней
Не знал бы этот, да и тот, загробный, свет...

Мне говорят: «В тебе погиб поэт...»
Наверно, говорят из чувства мести.
Мол, если б жив он был, стихов, хоть тресни,
Не знал бы худших тот и этот свет...

Мне говорят: «В тебе погиб поэт...»
Забыли, что поэт — «невольник чести...»
Осталось лишь найти себе Дантеса,
Чтобы признать: «Во мне погиб поэт...»

* * *

Какая дурная погода!
Какие дурные дела!..
Зачем же, не ведая брода,
Летим, закусив удила?

Иль вовсе без всякого смысла,
Презрев безмятежную лень,
Мы тащим свои коромысла
Из прошлого в будущий день.

Всё мало, и мало, и мало...
Когда же уже, наконец,
Свершится средь шумного бала
Покоя легчайший венец?!

Но в радости этого мига
Успеем ли мы испытать,
Как из повседневности ига
Мы будем, скрипя, выползать?

Какого числа или года
Достанем до самого дна,
Такого восстанет Свобода,
Что свыше, от Бога, дана...

О мраке

Стихи, прочтения и смыслы...
Ольга Седакова

«Стихи, прочтения и смыслы...»
Туманный слог... Коварна речь...
Что ж над душой моей нависло —
Петля? Нож гильотины? Меч?

Откуда в светлое пространство
Вползает змеевидный Мрак?
В буквальном смысле слова ГАДство...
По повеленью? Просто так?

Я говорю ему: не надо!
Не омрачай мой белый Свет.
А он подносит чашу с ядом:
На, выпей, Света больше нет...

И всё, во что я свято верил,
Испепеляет Мрака луч...
Каким бы ни казался зверем,
Он беспросветен и живуч.

Вот почему в словах ничтожных
Искрит высоковольтный ток —
Хаос предчувствий безнадёжных
Рождает дьявол, а не Бог.

Мыльный пузырь

О, нет, не из воды и мыла —
Из детских снов и радуг сотворён.
Когда-то и моя рука ловила
Его...
Но исчезает дивный сон.
Лови, малыш! Лови его, покуда
Ты веришь в этой жизни волшебство.
Лови, пока ещё живое чудо,
Пока ты ощущаешь с ним родство.
Лови, пока оно неуловимо.
Пока похоже так на шар земной.
Лови, пока в нём нет ни труб, ни дыма...
Пока не станет мылом и водой.

Игра

Когда-то, в лётчика играя,
Со свистом ветра у виска,
От страха сердцем замирая,
Я прыгал с зонтиком с сарая
На кучу грязного песка...
Не повторить того маршрута.
Но как же хочется успеть
На зонтике, без парашюта,
Однажды в детство залететь.

Что любит министр

Министр любит брюки галифе
И голубой, под галифе, околыш...
А кто не любит, тот ему до фе...
До фени тот ему.
И даже сволочь.

Министр любит кожаный сапог.
Летучий аромат одеколона
После бритья...
Тяжёлый дух ОМОНа
После битья,
И газа сладкий смог...

Министр очень любит водомёт.
И автозаки в тёмном переулке.
А поперёк проспектов — перемёт —
Извлечь «изюм» из белорусской «булки»...

Министр наш завзятый театрал,
И очень любит наблюдать галёрку.
Чтоб каждому, кто «Баста!» прокричал,
Устроить показательную порку.

Министр очень любит бронзоветь.
Себя согреть в тени городового,
Готового любого так огреть,
Чтоб вспомнил про орла, про двухголового...

Министр любит со звездой ремень
И скрип энкавэдэшной портупеи...
А как ещё изображать кремень
В подобострастной сущности ливреи?!

Эвтаназия

Вы рвётесь ввысь,
В стеклянный небосвод.
Под вашими железными ногами
Вам не услышать Города исход
С прожившими свой долгий век домами.
Что их жалеть?!
Хруст старческих костей
Едва ли в вашем сердце отзовётся...
Среди таких, как вы, глухих людей
Убийство эвтаназией зовётся...

И правда —
толку-то от старых стен...
Что пользы от больного организма?
Пусть новый город вырастет взамен
Стеклянной башней, пирамидой, призмой.
Пускай раздастся вширь,
Взметнётся ввысь.
Пусть будет снова нов, здоров и молод.
Какая, мол, от старого корысть?!

От нового — бездушие и холод.

Какое ему дело до меня?
До всех, кто расставаньем опечален...
Пожалуй, с этим примирился б я,
Когда б не помнил городских развалин
И длинные цепочки наших мам,
Кирпич из рук передающих в руки...

Зачем же рвёте сердце пополам
Отчаяньем безвременной разлуки?!

Вам дорога чужих фантазий власть.
А мне — кирпич, тепло хранящий, дорог...
Вам эту память не дано украсть.
Живой не ваш, а мой убитый Город.

Ностальгия

Григорию Трестману

В какие б земли ни врастали корни,
Какой бы ни шумели мы листвой,
С годами всё тревожней и упорней
К земле нас тянет, что зовём родной.

Не совладать нам с этой скрытой тягой.
Не заглушить её подземный гул.
Не затопить её солёной влагой.
Не иссушить её хамсином адовым,
Каким бы жаром он ни полыхнул.

Пусть кто-то назовёт обетованной
Ту землю, посчитав её родной.
Далёкой, благодетельной, желанной...
На деле тянет нас к земле иной...

К отеческим гробам. К родным могилам,
Где душ еврейских больше, чем в лесу
Деревьев.
К не забытым лицам милым,
Дрожащим, словно листья, на весу.

Они из Памяти глядят призывным взглядом.
И, приравняв свой путь земной к судьбе,
Мы понимаем, что другой не надо.
Что эта тяга — к самому себе...

На смерть Наума Коржавина

Он просил похоронить себя в России.
Беззащитен, как ребёнок, и огромен.
Не в Америке.
Не там, где жил Мессия.
Там, где был при жизни похоронен.

Дождь 26 апреля 1986 года

Лил дождь.
Простой апрельский дождь.
Ко мне пришёл мой друг промокший.
Снял плащ.
Сказал: «Чего уж проще
Дождя, которого так ждёшь!»

Лил дождь.
Простой апрельский дождь.
Мой друг разулся у порога.
Сказал: «Ещё совсем немного,
И вновь заколосится рожь»

Лил дождь.
Простой апрельский дождь.
Мой друг, как кот на мягких лапах,
Прошёл в мой дом: «Ты слышишь запах
Дождя? Всё остальное — ложь!»

Лил дождь.
Простой апрельский дождь.
Мой друг, благоухая влагой,
Сказал: «Старик, упился брагой
Дождя. О, как же он хорош!»

____

Льёт дождь.
Простой апрельский дождь...

Мой друг стоит подобьем света
В прихожей.

Ну, а было это,
Когда лил дождь.
Апрельский дождь.

Камень

Мне приснилось,
что я умираю.
Тяжкий камень
сдавил мою грудь.
Как Сизиф,
этот камень толкаю,
И никак
не могу оттолкнуть.
Я кричу!
Я зову!
Но не слышен
Мой немой, камнем сдавленный, крик.
И всё ближе... и ближе... и ближе
Небытья подступающий миг.
Толку звать, коли миг тот послушен
Несгибаемой воле Творца.
Отчего же Он так равнодушен
К моему ощущенью конца?
Неужели мой давящий камень
Оттолкнуть не под силу Ему?

Камень-сон,
Камень-явь,
Камень-память
Поколений, ушедших во Тьму.
Нет, Никто и Ничто не поможет...
Как ни плачь,
ни кричи,
ни зови,
До последней останется дрожи
Неподъёмная тяжесть Любви.

Всем любопытен свой портрет

Виктору Козько

No pasaran!*

Страницы дней твоих листая,
Знаю наперёд:
«Тёмный лес, тайга густая»,
«Високосный год».
От вильчанского порога
Через свет и тень
Ляжет «Колесом дорога»,
Грянет «Судный день».
Из «Детдомовского сада»
Над теченьем вод,
Словно горькая услада,
Грушка расцветёт.
За буслиным поворотом
На сибирский край,
Скажешь, словно ненароком:
«Здравствуй и прощай».
Здравствуй, сеятель и пахарь,
Лекарь горьких ран!
Ну, а годы? Ну их «Нахов»...
И «Но пасаран!»

---

* В шутливом посвящении использованы названия произведений Виктора Козько, написанных в первые двадцать лет его литературного творчества.

Пузырь и камень

Что наша жизнь?
То лёд,
То пламень,
То окунишко на заре.
То лёгкий лёт,
То тяжкий камень,
То камень в желчном пузыре.
Пора садиться на диету,
Мой друг.
Пора не пить, не жрать...
Пора признаться белу свету,
Что время камни собирать.
Что время прочищать протоки,
Чтоб не застаивалась желчь...
Но разве ж деться от мороки
Сердца людей глаголом жечь?!
Пока, нагуливая пузо,
Иной пузырь срывает куш,
Твоя надрывная обуза —
Сдвигать каменья с наших душ.

Нине Козько-Чунтоновой

Крутые годы

В пределах жизненного круга
Всё возвращается опять...
Как хорошо, когда, подруга,
Тебе ещё 75!
Налажен быт,

И муж при деле,
И при жене любимый сын.
И каждый новый день недели
Сулит обилие причин
Не замечать минут текущих,
И бег часов не наблюдать.
И даже хвори, сердце жмущие,
Куда подальше посылать...
Пусть не богатой и не бедной
Жизнь обернулась с неких пор.
Но ждёт тебя твоя фазенда,
И зреет чудо-помидор!
У компа и плиты — не пария.
Ведь ты умеешь всё сама —
Зажарить карпа-пролетария
И вытащить на свет сома...
И всё ж, как ни широки реки,
И как они ни глубоки,
А не сравнятся чебуреки
С сомами из любой реки...
Пусть лают псы
И воют суки
Под гром неистовой пальбы...
Не поменять твои ноутбуки
На благости иной судьбы...
Пусть, как всегда,
Крутые годы
Тебя возносят высоко.
На твердь чунтоновской породы
Пусть опирается Козько.

На твердь чунтоновской породы —
Из века в век,
Из года в год —
Друзья, подруги, наши годы...
Порода та не подведёт.

Стефании Станюте

Дань

Сосновый лес берёзами просвечен
И тишиною, обращённой в слух.
И мимолётной радостью отмечен
Его чернично-земляничный дух.
Струит земля тепло между лопаток
И тяжелит задумчивостью трав.
Как мир велик!
И как печально краток
Вкус узнаванья на сухих губах.
Я в этот мир, влекомый давней жаждой,
Вхожу, как в дом, как в милую семью.
Его черты, мелькнувшие однажды,
Я вновь и вновь с надеждой узнаю.
Мир детских слёз
И беглых вдохновений,
Простых чудес
И неизбывных грёз.
Мир доброты.
В нём поселился гений
Под сенью старых сосен и берёз.

Мир тайных жертв,
Идущих на закланье
Своим неподкупаемым богам.
Он обложил меня бессрочной данью.
Что все слова! Себя ему отдам.
Всего себя — от головы до пяток.
Всему ему — от синевы до трав.
Как он велик!
И как печально краток
Вкус расставанья на сухих губах...

Валентину Тарасу

Урок музыки

Гроза ушла на запад,
Сама себя кляня.
Остался только запах
Железа и огня.
Отрокотали громы,
Стал город тих, как мышь.
И лишь аэродромы
Над эхом дальних крыш
Всё так же рокотали,
Моторы грея впрок.
Разучивая дали,
Как музыки урок.
Чтобы могли пилоты,
Вознёсшись над землёй,
Небес услышать ноты.
Фальшивой — ни одной.

Виктору Белицкому

Подарок

Объятья, поцелуи, всхлипы,
Моря улыбок, реки слёз...
Такая маленькая кипа!
Крещенский так силён мороз!

Но кто ж теплом своим согреет
Остаток лысого ума?
Лишь тот, кто свято в дружбу верит,
Кого не леденит зима...
Нет, не земных подарков кипа
Крещенский победит мороз.
А только маленькая кипа,
Река улыбок, море слёз...

Семёну Букчину

Антиюбилейное

Сошли с лица волнений тени,
Светлее лоб,
Добрее взгляд...
Не так уж много надо, Сеня,
Чтоб человек был жизни рад:
Луч солнца в предрассветной рани,
Шум леса,
Тихий плеск волны...
И осторожное дыханье
Уснувшей на плече жены...

Чтоб наши годы мирно плыли
Теченьем Времени реки...
Как говорят, чтоб мы так жили —
Всем юбилеям вопреки...

Бессонница

По мотивам Осипа Мандельштама

Бессонница. Букчин. Дурные голоса:
«Ну, вот, ещё один, семьдесят первый...»
Что толку до утра тереть глаза,
Когда болит живот и ноют нервы.

Что толку вычислять конечный срок
Или считать, что этот срок до срока...
И допивать по каплям жизни сок,
Чтоб длилась каждый день её морока.

Нам не дано прозреть слепую даль.
Глухую близь нам не дано прослушать.
Не оттого ли так горька печаль,
Глаза мокры и боль за горло душит?

Но ведь не зря когда-то поднялся
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный...
И по прямой, не наперекосяк,
Летит, врезаясь в будущее клином.

Ну да, бессонница. Ну да, болит живот.
Ну да, гудят натруженные нервы...
Но ведь летит! Летит за годом год
Сей длинный выводок. Всего семьдесят первый...

Борису Роланду

Тост

Пускай ещё одна страница,
И книжек выстроился ряд.
Друзей светящиеся лица
Превыше премий и наград.
Вокруг тебя они сплетают
Замысловатое кольцо...
Когда услышишь тост «Лехаим!»,
Добавь ещё одно лицо.

Вячеславу Никифорову

Зимородок
Песня

Над речкой, над жёлтым обрывом,
Над лесом в осеннем огне,
Навстречу завьюженным зимам,
Навстречу к тебе и ко мне
Летит голубой зимородок,
Упрямо в полете крыло.
А сердце тревогой, а сердце тревогой,
Как вьюгой поля, замело...

Над взрывом, над дымом пожарищ,
Над всем, что убито войной,
Летим мы с тобою, товарищ,
Не знаем, вернёмся ль домой.
Летит голубой зимородок,

Упрямо в полете крыло.
А сердце тревогой, а сердце тревогой,
Как вьюгой поля, замело...

И если осколок смертельный
Высокий полет оборвёт,
То песню, упавшую с неба,
Мальчишка другой запоёт...
Летит голубой зимородок,
Упрямо в полете крыло.
А сердце тревогой, а сердце тревогой,
Как вьюгой поля, замело...

Я знаю: останутся с нами
И небо, и лес, и река.
И песня летит над полями,
Над родиной нашей, пока
Летит голубой зимородок,
Упрямо в полете крыло.
А сердце тревогой, а сердце тревогой,
Как вьюгой поля, замело...

Виктору Леденеву

За жизнь!

То ли плюс 4, то ли минус...
Что-то с нашей зимушкой опять...
Что бы с ней, старик, не приключилось,
День 8-й январский — благодать
Твоего явления на Землю...
Может, сильный был тогда мороз.
Может, оттепель.

Но жизнь твою объемля,
Я хочу, чтоб ты и дальше вёз
Воз не остывающих открытий
И ещё не сотворённых книг...
Я тебе желаю, друг мой Витя,
Чтоб как можно дольше длился миг
Жизни, обретённой лишь однажды,
Пусть она у нас не навсегда.
Пусть всего единожды, не дважды
Будут длиться все твои года,
Чтоб как ВИЛом был, так и остался:
Пел, курил, писал и водку пил.
И к струне гитарной прикасался...
В общем, друг мой ВИЛ,
ЧТОБ ТЫ ТАК ЖИЛ!

Александру Станюте

Письмо ушедшему другу

Дорогой Александр Александрович,
С Днём рождения!
В этот день уже который год
От Вас исходит высокое напряжение —
Трясёт немного.
Хорошо, что не бьёт.
Кто-то, наверное, употребляет виагру
Или другой особенный витамин...
Лучше бы ездили в Сочи, в Гагру.
Нет, лучше в Ялту.
Кажется, это Крым.
А Вы всё в Ригу, в Ригу, в Ригу...

В Юрмалу, где растёт сосна,
Где, похожее на большую ковригу,
Солнце восходит, щурясь со сна.
Где волна за волной,
мелкой и пенной,
Лижет берег холодный залив.
Вам это надо — степенно и постепенно
Бродить по берегу вкось и вкривь?
И, Ирочку взяв под ручку,
Увязая в прибрежном песке,
Придумывать какую-нибудь закорючку
Про нездоровье — в затылке, виске.
Вспомните лучше, как Вас шатало
По минским улицам и дворам...
Как сквозняками Истории продувало,
Уступая место жестоким ветрам...
Вам сегодня 80. Улыбаюсь и плачу.
Но не получается заплакать вину...
Сверху греет солнце.
Снизу холод собачий...
Плохо, совсем плохо без Вас.
Одному...

Андрею Вознесенскому

Поэт и женщина в толпе

Поэт читал свои стихи.
И в воздухе, от слов дрожащем,
Пред женщиной, в толпе сидящей,
Свои замаливал грехи.
Он беспощаден был к себе.

Был резок, зол и ироничен.
И нежен был,
И неприличен.
И это нравилось толпе.
Аплодисменты, тишина, стихи,
опять аплодисменты...
Платочки, вздохи, сантименты, стихи
и снова тишина.
Как странно одиноким жить
В толпе, съедающей глазами...
Не жить, а быть.
Не быть, а слыть
На пир бесовский первозванным...
Но что толпа,
Что сотни глаз,
Что нецензурные оковы,
Когда последний, может, раз
Горлинкой бьётся в горле слово,
Когда последний, может, раз,
Уже почти совсем пропащая,
Не поднимает тихих глаз
Та женщина, в толпе сидящая...

Григорию Трестману

Два ореха

Съев с утра овсяной кашки,
Солнышку пропев хвалу,
Ты увидел, как фисташка
Зацепилась за скалу.

Многоглаво, многоруко
Древо древнее. Иль куст?
О, какая ж это мука,
Чтоб орешек не был пуст!

Как же там ему живётся,
Где ни капельки воды?
Или что другое пьётся
Как награда за труды?

Не видал такого сроду
У Вселенной на краю!
Я фисташкину породу
Понимаю и люблю.

Отчего же стих мой грустный
Взял на душу горький грех?
Видно, в чаще белорусской
Заскучал лесной орех.

Камешек картавый

> Нырните в интонацию ручья,
> в мелодию, которая ничья,
> в кристальное дыхание октавы,
> где камешек бесчинствует картавый.
>
> *Gerchon Trestman*

Что ж, даже в имени Gerchon
Воды кристальной слышу звон
В ручье, бегущем ниоткуда
И в никуда...
Какое чудо
Услышать песню вешних вод!

Пусть даже дальних вод нездешних —
Холодных, чистых и безгрешных...
Но кто б услышал, Боже правый,
Когда б не камешек картавый?!

Юрию Хащеватскому

Юрьев День

Так много в нашей жизни дури,
Что иногда хоть волком вой...
Тогда я думаю о Юре.
Как он, мятежный, ищет бури,
Хоть в буре не найти покой...
Бушуют волны, ветер свищет,
В ночи мешая свет и тень...
Зачем же Юра бурю ищет?
Чтобы приблизить Юрьев День!

Юрию Иванову

Момент

Всем любопытен свой портрет —
И старику, и малой крохе...
«Минуточку... Один момент...»
Всего один.
Момент эпохи.

Короче говоря

О честном слове

Всё держится на честном слове.
Что значит — из последних сил...
Мир до последней капли крови
У слова честного просил
Ещё немножко продержаться...
Но рухнул мир,
Сорвался лист...
И каблуку пришлось сломаться...
А всё ж — держись, держись, держись...
Да, до последней капли крови
В борьбе за жизнь,
За жизнь в борьбе...
Всё держится на честном слове.
И только слово — на тебе...

О годе Змеи

Поскольку Новый год — Змеи,
А я Змея с рождения,
Все пожелания мои —
Змеи предупреждения:
Чтобы Змеиный новый год
Хранил от всех напастей,
Чтоб каждый жизни поворот
Дарил кусочек счастья,
Поверь в желания свои
И в жало мудрыя Змеи...

Да, годы выстроились в ряд,
И с ними нету сладу...
Лекарство — это тоже яд,
Когда немножко яду...

О клювах и когтях

Коли на тёмной стороне души
Наточен клюв и выпущены когти,
Скажи, мой друг, но только не спеши:
Что лучше — крылья или локти?

О гармонии

«Я не ищу гармонии в природе», —
Сказал поэт.
И был не очень прав.
Гармония родилась в огороде
Из неба, солнца, вод и нежных трав...

О комарике

Когда-то было всё-таки не зря —
Балтийский берег, вдалеке кораблик...
Я нахожу кусочек янтаря.
А в янтаре — ну, как живой! — комарик.
...Вот так однажды Кант Иммануил
Над ним склонился в парике и гриме:
«Комарик! Если б ты заговорил,
Познанья наши были бы другими...»

О былом и думах

Я не ищу в былом ушедших лет,
Чтобы сложить из них большие суммы...
Увы, его, былого, просто нет.
Былого нет.
Остались только думы...

О временах

Едины все иные времена
Воскресшим чудом человечьей речи,
Подвластным тем, чьим гением отмечен
Путь до звезды и от звезды до дна.

О словах

Ваня ты или Афоня,
В борьбе с языковой стихией
Не перепутай какофонию
С ужасной колоноскопией...

О чревоугодниках

Все дураки, а с ними и негодники,
Известны миру как чревоугодники.
Хоть беспощаден к ним жестокий мир,
Без них он скучен, беден, сер и сир...

О молодом друге

Вы правы, дух сильнее тела,
Хоть не потерян аппетит.
А время? Время пролетело.
А ваше всё ещё летит!

О фрукте

Да, ты ещё не призываешь помощь
И производишь кой-какой продукт.
Старик, конечно, ты ещё не овощ.
Но помни, милый, что уже не фрукт.

О ни о чём

Да, люблю я очень трепетно,
То ль под солнечным лучом,
Дождь ли хлещет или ветрено,
Потрепаться ни о чём...

О токе

Да, как всегда, с годами выбор труден.
Быть иль не быть? Вопросик на века...
И всё же я хочу сказать: пока
Гудит высоковольтный провод буден,
Не бойся, друг, мы были, есть и будем...
Давай мы будем, током бьёт пока!

О доходе

Хоть в день, хоть в месяц или в год
Казна с уверенностью мага
Мой тщилась угадать доход...
А угадался доходяга...

О партиях

В Америке я был бы демократ.
Как если бы и там был голодранец...
Но не терплю в родной стране диктат.
И потому я здесь — республиканец...

О покое

Друзья, терпел я до упора
Себя в себе и вас вокруг.
Ну, а потом подался в горы
Подальше от душевных мук.
Здесь хорошо — покойно, тихо..
Над головой парят орлы,
И видно, как завидно лихо
По скалам прыгают козлы.
Конечно, горные. Отважно
Одолевают склоны круч...
О, френды! Как же это важно
Укрыться от фэйсбучных буч!

О чести

Как много их, в погонах или без,
Которые не могут жить без лести...
Убить готовых, если нашу честь
Не отдадим, своей лишаясь чести.
Нет, никому не отдавайте честь.
Она с рожденья — наша честь — по праву...
Да не падёт на нас бесчестья месть!
На нас. И нашу бедную державу...

О нестихах

Есть хорошие стихи
И стихи плохие...
А ещё есть нестихи.
Не стихи — СТИХИИ...

О таланте

Или в землю я зарыл
Свой талант бессрочно.
Иль в бутылке утопил...
Кто бы знал бы точно?
Тут и там его искал
Долго и упорно...
Иль копатель откопал,
Тот, который «чёрный»?

Я не фокусник, не маг.
Но секрет открою:
Вдруг услышал крыльев взмах
За своей спиною..

О памяти

Когда-нибудь наступит срок —
Альцгеймером зажатый,
Хотя б одно я вспомнить смог:
Кем был рукопожатый...

О подавляющем большинстве

О, подавляющее большинство!
Ты для чего сегодня миру явлено
И злобно подавляешь меньшинство?
Не потому ли, что само подавлено...

О песне

Как мерзок нам дух наш советский!
Какого ж, скажите, рожна
Мы пели про берег турецкий
И Африку — что не нужна?!

О законах

Напрасно ждать от нашей жизни совести.
Сплошные в ней подвохи и препоны.
И всё ж не так страшны законы подлости.
Куда страшнее подлые законы.

О лицах

Жизнь — не вязание на спицах,
Где узелки наперечёт...
Знать не дано, когда домчится,
Как отразится в наших лицах
Прожитым выставленный счёт...

О гении

Как на себя ни посмотри,
А всё равно, старик, обидно:
Ты гений глубоко внутри,
Но никому сие не видно...

О парусах

До цели годы или километры,
Вся жизнь или всего лишь полчаса,
Одни привычно держат нос по ветру,
Другие поднимают паруса.

О портняжке

Кафтан, иголка, нитка, пряжка... —
Всё стало тленом, пеплом, прахом.
Остался храбрый лишь портняжка —
Единым махом побивахом...

О недопитии

Когда с утра гудит в душе подсос,
Не вымыты тарелки, рюмки, вилки.
А сам ещё и голоден и бос,
Я посылаю безнадёжный SOS
Со дна допитой вечером бутылки.

О любви и ненависти

Конечно, мне не всё равно,
Кому любить меня дано —
Ввысь поднимать, тянуть на дно
Без риска чем-нибудь обидеть.
Любить меня немудрено.
А ты попробуй ненавидеть!

О Светиле

Кто будет знать, что ТУТ когда-то БЫЛО?
Что толку от того, что БЫЛО, в нём,
Когда погаснет жаркое Светило,
Испепелив, что так надёжно было,
Своим всепожирающим огнём.

О секундах

«Не думай о секундах свысока...»
И снизу ты о них не думай тоже.
Пускай секундомер стучит, пока
Не остановится в момент последней дрожи...

О Демоне

Прислушайся, сидит в тебе внутри
Сам Демон! И не больше и не меньше...
Эй, старый черт, скорей глаза протри:
Сидит. Но почему-то в виде женщины...

О концах и началах

...Приказ суров: «Отдать концы!..».
Константин Северинец

Отдать концы? Потуги жалки...
И, чья б корова ни мычала,
Ни подобру, ни из-под палки
Не отдавай свои начала...

О том, кем был

Был фараоном фараон.
Не я был фараоном –
Он...
Я жизнь сквозь сито лет просеял:
Я не был даже Моисеем!
А кем я был?
Увы, Бог весть....
Хотя бы тем я был, кем есть.

О вине

Мы знаем: истина в вине!
Той истине веками длиться.
Друзья, найдём её на дне,
Чтоб окончательно не спиться...

О разговорах

Пусть говорят! Пусть обо мне! Не важно...
Могу одно говорунам ответить я:
Ту девушку, что встретил я однажды,
Не поменяю. Ни она меня...

О критике

Святой Фома, я на тебя запал.
Зачем же ты на раны соль насыпал?!
Внушил, что я в несовершенство впал,
Тогда как я из совершенства выпал..

О тренде

Фэйсбук, ребята, точно сбрендил,
Когда с утра поведал мне,
Что нахожусь всегда я в тренде...
Пусть в тренде. Лишь бы не в говне...

О пропаганде

Хрипит натруженная глотка.
Неутомим пропагандон...
На завтрак — утренняя сводка.
А к ужину — вечерний звон...

О последствиях

Чтоб не случился заворот кишок,
Не допивай до заворотной...
Последнюю — на посошок!
Пусть у хозяев лёгкий шок,
Зато уйдёшь без схватки рвотной.

О богатстве и бедности

Не богатый и не бедный,
Не пологий, не крутой...
Лучше целый грошик медный,
Чем разменный золотой...

О временном

На кнопки жму отчаянно и тупо.
Не знаю, сколько жать ещё отмерено...
Но абонент всё время недоступен,
Хотя твердит, что это только временно...

О восточном календаре

Нет, я совсем не против Обезьяны.
Хоть год её, хоть несколько за век...
Когда бы у неё не знал изъяна.
Лишь одного. С названьем «человек»...

О слове «жид»

Я в детстве часто слышал слово «жид»
От тех, кто жаждал этим словом ранить...
Кто ж знал тогда, что жид изменит вид
На жительство?! Не «жид», а иностранец.
Что ж остаётся им сказать теперь?
Им, пролетевшим с этим словом мимо...
Не беспокойтесь. После всех потерь
Оно — при мне.
Оно — неисправимо...

О дурном примере

Я всю неделю мнил себя Гомером:
Был слеп от слёз и очень впечатлителен.
На деле же служил дурным примером,
Поскольку был предельно заразителен..

О горении

Я не знаю, как настиг меня рок,
Синим пламенем гореть чтобы смог.
Всю-то ноченьку горел. В ранний миг
Из огня и этот стих мой возник...

О долгах

И в позднюю глухую осень
У жизни ничего не просим.
Она не прячет и не врёт,
Всё, что ей дали, отдаёт.

О сути

Когда на дно осядет муть,
А суть ещё не накатила,
О, как предвидеть сути путь,
Безжалостной, как Чикатило?!
И чем проявится она —
Хоть в жизни всей, хоть в миге кратком —
Прозрачной глубиной без дна
Иль мутью, что на дне осадком?

О портрете

Я так надеялся, что он изобразит,
Как время пятится назад подобьем рака,
И снова молодость во всех чертах сквозит...
А вышел старый бука. Или бяка.

О послании

С утра настроил свою лиру:
«Что ж мне послать сегодня миру?»
Пошлю, пожалуй, просьбу я:
«О, мир! Не посылай меня...»

О наплевательстве

Ни вверх не глядя, ни вперёд,
Сижу с друзьями-разгильдяями.
И наплевать мне, чья берет
В борьбе мерзавцев с негодяями.

Игорь Губерман о событиях в Украине

Сидит с друзьями Губерман.
Плюёт четверостишьями...
И тут обман, и там обман!
Везде евреи лишние...
Но как же мог он позабыть,
Бросаясь междометьями,
Что невозможно тихо жить
Меж теми и меж этими...
Что не мешало б распознать,
Перемывая кости,
Чья сторона грозит опять
Всемирным Холокостом...

О награде

Я упустил тебя, моя награда,
Увы, тобой безжалостно раним...
Но ни за что я не отдам тебя другим,
Хоть мне тебя уже давно не надо.

О вечном

Одно лишь в этом мире вечно:
То, что всё сущее конечно.

Посвящается моим родителям
Марии Вагановой и Давиду Пинхасику

XX век: семейный альбом (2016–2018)

От автора

Где-то в конце 40-х — начале 50-х годов, 8–9 лет отроду, в дальнем углу выдвижного ящика родительского письменного стола я нашёл аккуратно завёрнутый в газету, перевязанный шнурком свёрток. Повинуясь неистребимому детскому любопытству, я развернул его. Это были письма отца с фронта маме в эвакуацию и мамы — отцу на фронт. И эта находка стала для меня одним из самых важных тайных открытий, какие только возможны в детстве.

Разбирая после ухода родителей из жизни — отца в 1996 году, мамы в 2004-м — семейный архив, включая несколько альбомов фотографий, я с особой и потрясшей меня ясностью сделал ещё одно открытие: прошлое не исчезает. Оно, прошлое, живёт с нами в настоящем своей очень существенной частью. Буквально живёт, проявляя себя в новых подробностях, деталях, взаимосвязях, то ли полузабытых, то ли не имевших до поры никакого значения.

Из этого, случившегося почти через 70 лет, открытия, из ощущения, что прошлое не просто вспоминается, а живёт со мной, во мне, написались два стихотворения — «Бремя» и «Парад».

Так возникло желание создать свой «Семейный альбом», собрать под его обложкой всю большую

белорусско-еврейскую Семью, незримо связанную с историей страны, канувшей в Лету, с XX веком, веком-волкодавом, по Мандельштаму, хватающим за горло и наш XXI век.

Но началось, думаю, с того свёртка, найденного в детстве в дальнем углу стола, с тех почти трёх сотен писем 1941–1945 годов...

P. S. Какой же это семейный альбом без фотографий? Вы найдёте их на страницах вклейки. На них запечатлены мои родные и близкие в разные от начала XX века годы. И, читая стихи, вы узнаете каждого из них. На снимке к стихотворению «Старые песни» Декада белорусского искусства в Москве, в 1955 году, Большой театр, поём «То берёзка, то рябина...».

Своё тащить через чужое время

Бремя
(1941–2016)

—...Ну, здравствуй, мама,
Мне — 75...
Ты помнишь, я спросил: где ж ночевали?
— Во ржи, — сказала ты, — мы так устали...
Уж не придётся ли во ржи рожать?!
— Но я тебя не сильно беспокоил?
Нести такое бремя тяжело...
— Ты до сих пор, сыночек, не усвоил,
Что бремя лёгкое, когда оно своё...
— Но ведь тебе, наверно, было страшно!
Тебя со мной сто раз могли убить...
— Ты знаешь, сын, не так уж это важно.
Страшней рожать, чем умирать и жить...
Я так боялась, каждое мгновенье,
Во ржи скрывались мы или в лесу,
Что я тебя, мой сын, до дня рожденья,
До жизни я тебя не донесу...
И что же, если вдруг жива останусь,
Мне скажет твой страдающий отец?!
Твоя жена и дочь твоя — что скажут?!
Что скажет внучка? Правнук, наконец?!
...Так мы с тобой добрались до Казани.
Совсем не ближний, как ты знаешь, свет.
А там и ты осенним утром ранним
Явился в этот мир.
Другого нет...
И как тебе в твои 75?

Тебя твоё обременяет время?
Я слышала, война идёт опять.
И снова смерть в своё вступила стремя...
— Да, мама, время подводить итог.
Но до сих пор тебя не беспокоил.
Казалось мне, что той войны урок
Несчастный мир давным-давно усвоил.
Но вновь со всех сторон рычит зверьё.
Вновь чья-то мать своё спасает бремя...
Нет, нелегко тащить, хоть и своё.
Своё тащить через чужое время...
Но ты не думай, я его тащу,
Хотя оно жестоко может ранить...
Пусть нелегко, но я не прекращу
Тащить свою и нашу, мама, Память...

Парад

46-й... Отец пришёл с войны.
Кожанка, кобура и портупея...
Небритая щека. Глаза еврея,
О чём соседи осведомлены...

46-й... Отец счастливо молод.
Все живы — мама, сёстры, сын, жена...
Пусть за окном фанерным лютый холод.
Какое счастье! Кончилась война...

46-й... Отец принёс дрова.
Развёл огонь. Как горяча буржуйка!
И как уютна толстая тужурка,
В которой он вернулся со двора...

46-й... Отец не знал меня.
«Мой папка» — подпись под моим же фото,
Где я держу его, и он — на фото...
О, Боже, это он? И это я?

46-й... Отец сынишке рад.
Ноябрь. Листопад. Число 7-е.
Мне пять уже.
На праздничный парад с отцом идём.
Я на руках.
Нас двое...

Большая мечта

Мой дядя Лазарь, старший брат отца,
Был революций пламенный участник.
К Большим Событиям мой дядя был причастен.
К Большой Мечте. До самого конца...
Он был совсем простой еврейский мальчик.
Ему казалось: вот она, Судьба...
Отец — на скотобойне, мама — прачка.
И в молотьбу ввязалась голытьба.
В 17-м ему 17 лет.
В 37-м оборвалась орбита.
НКВД не дрогнул пистолет.
Вот так его Мечта была убита.
Жена и дети — Алла и Марат.
Ей — Колыма. Им — детский дом и гетто...
Мечта! Она сметала всех подряд.
Кого куда. Кого туда. Кого-то где-то...
И если кто-то в судорогах века
Большой Мечты опять услышит зов,
Про дядю моего, про человека
Пускай запомнит эту пару слов:
Он так хотел, чтоб сказка стала былью.
И вместо сердца — пламенный мотор.
А стал мой дядя лагерною пылью.
Першинкой в горле...
Выстрелом в упор...

Паром

1958 год. Мне 17, маме 50. Она впервые привезла меня на свою родину в местечко Луначарское, до революции — Микалаёва, на Западной Двине, по которой с 1921 по 1939 годы проходила советско-польская граница.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Течение сносило нас на запад..
Она смотрела вдаль из-под руки.
Туда, откуда доносился запах
Покинутого много лет назад,
Казалось, навсегда, родного дома...

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Река играла клочьями тумана.
О, как те годы были далеки,
Где память с неизбежностью тарана
Рождала звук, похожий на раскат
С крутых небес низвергнутого грома...

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Едва доплыв до века середины,
Мы обернулись. Наши старики
Стояли, будто слеплены из глины.
Дед поднял руку, будто звал назад.
Старуха тронула седых волос солому...

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Я их не знал — ни бабушку, ни деда...
Ни горсточки их пепельной муки.
Ни косточки, ни камешка, ни следа...
Лишь только войн и революций ад.
Лишь только гарь гоморры и содома.

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки
До берега, где режут камни пилы.
О, как те камни будут велики
На месте от затерянной могилы
Среди чужих незнаемых утрат,
Взывающих к печали невесомо...

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Волна в паром неутомимо билась.
Но, всем речным законам вопреки,
Река, казалось, вдруг остановилась.
Остановился материнский взгляд
На грани исторического взлома...

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома.

Мы с мамой плыли поперёк реки.
Пересекали памяти границу.

Смотрели в спину красные штыки.
И польские сверкали в наши лица.

Скрипел струной натянутый канат
Под тяжестью ползущего парома...

А где-то в небесах лупил в набат
Двадцатый век с улыбкой костолома...

Кино 49-го года

Я помню фильм «Падение Берлина».
Кинотеатр «Первый». Первый ряд.
Над головою луч мерцает пыльный,
И слышно, как стрекочет аппарат.
Горят хлеба и мчат мотоциклисты.
И флаг со свастикой накрыл весь белый свет...
И мама шепчет: «Сволочи... Фашисты...»
Но почему у флага красный цвет?
Ведь как повяжешь пионерский галстук,
Нам говорили, береги его...
Он с нашим знаменем, таким же красным,
Был, есть и будет цвета одного...
А кто ж ещё в отряде знамя носит?!
Кто каждым утром солнечным горнист?!
Я так гордился этим! И вопрос тот
Остался без ответа: «Кто — фашист?»
Фашист! Обидней не было ругательств.
Чуть что не так, «фашист!» — срывалось с губ...
Без всяких чрезвычайных обстоятельств,
Воспитан ты иль по-пацански груб.
И только конопатый рыжий Оська,
По дворовому прозвищу Авоська,
Держался в стороне от наших игр,
И скрипку запиликивал до дыр.
Авоська-Оська! Дружит сам с собой.
У нас — штабы и полубоксом стрижка...
И с улицей Толстого вечный бой.
А Оська что? Очки, смычок и скрипка...
Однажды, помню, наши бомбовозы
Летели краем неба и земли...
Так, нарастая, громыхают грозы

За горизонтом, где-то там, вдали...
И в этот звук — густой, надрывный, длинный —
Вот-вот вонзится страшный бомбы свист...
Как в том кино, в «Падении Берлина»,
С вопросом мимолётным: «Кто фашист?»...
Но вместо свиста я услышал звук.
Какой-то звук, протяжный и скрипучий...
В распахнутом окне он как бы вдруг
Возник. Там Оська скрипку мучил.
— Кончай скрипеть, иди сюда, Авоська.
Смотри, фашист, как на Берлин летят...
— Ах, я фашист?!
Удар. И кровь из носа.
И ненавидящий фашистов Оськин взгляд.
...Я помню фильм «Падение Берлина».
Рёв бомбовозов. Острый кулачок.
Скрипучий, помню, и неутомимый,
Упрямый Оськи рыжего смычок...

Связная

Моей сестре Вере

Её распяли на стене сарая
В глухих задворках узденской тюрьмы...
Она была у партизан связная.
Её могила — достоянье тьмы.

Учительница в дальней сельской школе.
Связная дат, эпох, событий, эр...
Явилась в этот мир по Божьей воле
Для жизни в Белорусской ССР...

Казалось, этой жизни нет примера!
Казалось, эта жизнь — сама пример.
Так думала учительница Вера
О жизни в Белорусской ССР...
Казалось, эта жизнь, как свет в окошке
Для всех, кто, верой в Бога задурён,
Столетьями тянул свой след за сошкой
И за костлявым, в нищете, конём...

Казалось ей: мы новый мир построим.
Кто был никем, казалось, станет всем.
И с новой верой монолитным строем
Пойдём в коммуну... Но вопрос: «Зачем?» —
Ни днём, ни ночью никого не мучил.
В строю такой вопрос не задают.
Ведь для того Историю мы учим,
Чтоб утвердить коммуну там и тут...

И вот она — колхозная деревня,
Любимый муж, дочурка, старики...
Волна Истории подняла вдруг на гребень

И бросила, той жизни вопреки,
На землю, захлебнувшуюся кровью.
И только Верой преданный Иисус
За всем, что ей казалось сладкой новью,
Распятую провидел Беларусь.
...Я в детстве часто слышал слово «вера»
О том, что Веры в жизни больше нет.
Но почему-то слышу запах серы,
Когда смотрюсь в единственный портрет,
Который долго провисел в музее —
В заброшенном Историей углу...
И чувствую, как дьявольски борзея,
История опять нашла иглу,
Чтобы опять вогнать её под сердце.
И гвоздь — в открытую ладонь страны.
Скажите, и сегодня вы не верите
В убийственные игры сатаны?!
Пока живём. Но серы вонь не тает.
О, как страшна, чудовищна она,
Когда российский поп благословляет
Российскую ракету «Сатана»...

...Её распяли на стене сарая
В глухих задворках узденской тюрьмы.
Она была у партизан связная.
Святой она вернулась к нам из тьмы.

Петля

Мой брат, сын тёти Нади Николай
Повесился в общественной уборной.
После борьбы с самим собой упорной,
Под новостей ТВ животный лай,
Словно с цепи сорвавшихся собак,
Грызущих плоть и в клочья рвущих душу...
Да, он всего лишь новости послушал,
Увидев перед Белым домом танк...
Октябрь был. Год 93-й.
Но всплыл из памяти тот 45-й год.
На грани жизни. На пороге смерти.
И перекошенный от боли чёрный рот...
Я помню нарисованный им танк.
Зелёный. Со звездой на круглой башне...
Брат каждый божий день, с утра пораньше
Сдирал повязки с обожжённых ран...
После войны — каспийских далей близь...
Он стал на Нефтяных Камнях пожарным.
Огонь для брата моего стал главным
Врагом на всю оставшуюся жизнь.
Не счесть спасённых им и тел, и душ,
Когда, как танк в бою, та нефть горела...
Кому она тогда карманы грела
Фонтаном, вязкой слизью черных луж?
Но каждый год, не поздно и не рано,
Как только гриб из-под земли полез,
Он ехал к маме, в белорусский лес —
Повязкой на оставшуюся рану.
Родной земле свою вверяя душу,
Твердя любимый стих про родны кут...
Освобождался от житейских пут,

Не зная, что петля его задушит.
Он тяжело переживал распад
эсэсэсэр — в несчастье личной драмы.
Ему казалось: на могилу мамы
Дороги нет уже, как было год назад.
Ему казалось: оборвалась связь
С родной землёй, перевязавшей рану...
Он привязал себя к телеэкрану,
Надеясь — не совсем оборвалась.
Но вышла связь не с будущим, а с прошлым.
Вспять повернул экран теченье лет.
Он понял вдруг, что будущего нет.
А прошлое увидел в землю вросшим...
Но за времён неисчислимой далью
Прах полыхнёт горячею золой...

Мы думали: история — спиралью.
А вышло — удушающей петлёй.

Рояль

При бомбардировке г. Минска 25 июня 1941 года сгорел дом и всё имущество...

Из Акта для представления в Государственную Чрезвычайную комиссию, 21 марта 1945 г.

Он появился ниоткуда.
С той запредельной стороны,
Которая веленьем чуда
Его спасала от войны.

За годы от начала века
Под пальцами которых рук
Его натруженная дека
Могла издать предсмертный звук?

Быть может, некий группенфюрер —
Гестаповец и музыкант —
Глушил расправ безумный зуммер
Мольбой бетховенских сонат...

Или в каком-нибудь борделе,
Пока не обратились в тлен,
Под мой рояль soldaten пели
«Лили Марлен»... «Лили Марлен...»

В моем архиве есть бумага
С печатью, под названьем «Акт».
Сороковых смертельных сага.
Год 41-й... Бомбы... Ад...

Пред этим светом неповинно,
Оно осталось в свете том

Струной звенящей — пианино —
И с развороченным нутром...

Живёт во мне подарком Бога,
Под плач оборванной струны,
Во чреве матери дорога
Во чрево вздыбленной страны...

Теперь я понимаю маму,
Пронёсшую меня сквозь ад...
Её пожизненную драму
На входе в отворенный склад
Вещей, захваченных в трофеи,
Которых никому не жаль...
И кладовщица, словно фея,
С вопросом: «Шуба иль рояль?»

...Ах, мама! Ты не знала, мама,
Когда тащили в дом его,
Что он — этюды Черни, гаммы —
Могильщик детства моего.

Тебе, наверное, казалось...
Но оставалось лишь мечтать.
Я помню, мама, твою жалость,
Что мне «Рахманиным» не стать...

Но до сих пор не понимаю,
Хотя уже и сам старик,
Зачем его всю жизнь таскаю,
Как ту игрушку-грузовик,
С одной квартиры на другую...
Ведь разучился я играть.
И, тронув клавишу живую,
Живую ноту извлекать.

Конечно, он — семьи преданье.
Дитя спасенья своего.
Глухие звуки мирозданья
Сокрыты в памяти его.
Молчит рояль из ниоткуда.
Молчит, обиду затая...

Но оба живы мы, покуда
Мы оба живы.
Он и я.

Живой уголок

Портрет висел над клетками с ежами,
ужами, кроликом и парой черепах...
Казалось мне, что он следит за нами,
Рождая в пионерском сердце страх.

От взгляда из-под стёклышек пенсне,
От глаз его холодных и навыкате
Не спрятаться мне было ни во сне,
Ни в уголке — живых существ обители.

Вожатый наш, студент-биолог Саня
Кормить ежей и кролика учил.
«Когда, — сказал, — ушёл товарищ Сталин,
То Берии державу поручил...»

Он в партизанах был жестоко ранен,
Вожатый наш. И ногу волочил...

...Июнь... От века год 53-й...
И гром с небес... И детской веры крах...
Не знал товарищ Сталин, что Лаврентий
Шпион английский и народа враг.

О, как мы изодрали тот портрет!
Не будет больше он следить за нами
Удавьим взглядом — был, да больше нет! —
И спичками прожжёнными зрачками...

Вжал уши кролик и свернулся ёж,
Втянули головы под панцирь черепахи...
И выжигались ненавистью страхи
У Сашек, Вовок, Витек и Серёж.

И долго мы смотрели Сане вслед,
Когда, сказав: «Кормить питомцев надо»,
Он, отобрав изодранный портрет,
Хромая, нёс на свалку, где ограда.

И не было портрета ненавистнее,
Чем тот, который Саня поволок...
А с нами оставался наш единственный.
Ещё живой, на годы, уголок.

Старые песни

Когда не сплю я, памятью ранимый,
Напевом давним мой ночной покой
Встревожен — «то берёзка, то рябина...»,
Ещё и «куст ракиты над рекой...»

А то, шагая в ногу и задорно,
Со всеми вместе открывая рот,
Пою, как «по долинам и по взгорьям»
Всё шла и «шла дивизия вперёд...»

И с поворотом головы неловким
С запАсного срывается пути
«Наш бронепоезд...» с песней про Каховку,
Что пулею горячею летит.

Давно истлели беленькие кости.
Так почему же из ночных пещер
Вползает в сон, как «на Дону», «...в Замостье»
Наш «Ворошилов...красный офицер»
Кровь проливает «за СССР»?

Ищу ответ, чем вызван этот бред.
СССР и песни те — всё прахом.
Неужто через семь десятков лет
Проснувшимся в душе ползучим страхом?

Я знаю, чем встревожен мой покой,
Когда не сплю я, памятью ранимый:
Боюсь за Беларусь, за Украину...
Ну, и за куст ракиты над рекой.

По первому льду

1947-й…

В подъезде пахнет щами и духами,
Хоть сквозняки гуляют напролёт.
А я стучу по лестнице коньками,
Спешу во двор на первый тонкий лёд.
Мне шесть уже. В шубейке, что на вырост
Мне перешила мама из своей,
Спешу на лёд, который, как папирус,
Трещит и рвётся.
Но скорей, скорей!
Скорей его попробовать коньками!
Пусть изо рта клубится лёгкий пар...
Я расскажу потом любимой маме,
Как одолел, хоть яма там на яме,
Покрытый льдом разбитый тротуар.
И пусть завидует дворовый кореш Яшка,
Пусть смотрит, как скользят под мах руки,
Верёвками и толстой деревяшкой
Прикрученные к валенкам коньки!
Вот оттолкнулся. Первый взят разгон.
Ещё толчок!
Скольжу что было сил...
Как радостен конька весёлый звон!..
Ах, Яшка!
Ну, зачем смеялся он,
Когда я всё же в яму угодил?!

…2017-й

Уложен новой плиткой тротуар.
Кружит снежок.
Лежит ледок с мороза.
Песок по льду, чтоб не страдала поза.
Но так же изо рта клубится пар.
Всё так же пахнет щами и духами
Подъезд.
Всё тот же двор.
Лишь малым стал.
Вот на каток спешит малыш с коньками.
Смотри, малыш, не упади на яме…

Как жалко, что моей любимой маме
Я ничего тогда не рассказал…

Костюм из шевиота

В шкафу висит костюм из шевиота.
Он сшит по моде предвоенных лет.
Потёрт пиджак.
Чуть слышный запах пота.
И орденских колодок тёмный след.

Его отцу купила баба Гита
За день или за два до ТОЙ войны.

Ах, баба Гита, ты была б убита,
Когда б не потащилась в глубь страны.

Тебя бы тоже поджидало гетто,
Сыпучих ям неотвратимый ад...

На полстраны отцовский голос: «Где ты-ы-ы?»
Звучал не дни, а месяцы подряд...

Где ты теперь, моя родная мама?!
Где ты, жена?!
Где нерождённый сын?!
Где сестры?
Дети Эммы и Абрама?

О, голоса воюющих мужчин!

Когда ж донёсся из бездонной ямы
Ночей бессонных и тяжёлых дум
На идише далёкий голос мамы,
Отец услышал сагу про костюм.

«Из Минска уходили мы, в чём были... —
Так начинался горестный рассказ. —
Свистели бомбы и сирены выли...

Мы ничего не брали про запас...
Взяла я только твой костюм, сынок.
Ты знаешь, как меня ругала Сонька,
Твоя неугомонная сестрёнка?!
Какой теперь, мол, от костюма прок,
К тому ж в пути не нужен лишний груз...»

Увидев бледных строчек почерк ломкий,
Отец представил, как бредёт с котомкой
Старуха-мама через весь Союз.

Он, обжигаясь, пальцем пригасил
Фитиль коптилки, что чадила горько.
На донышке плескался керосин...
Лишь одного у ночи он просил:
Чтоб до утра дожить хватило сил...
И расстегнул на шее гимнастёрку.

...Когда в ночи побаливает сердце,
От суеты ничтожных дел устав,
Я вспоминаю наш семейный шкаф
И осторожно открываю дверцу.

И вижу там костюм из шевиота,
Что сшит по моде предвоенных лет.
Потёрт пиджак.
Чуть слышный запах пота.
И орденских колодок тёмный след.

Страна сестринского ухода

Сестра ушла из жизни в январе.
В 10-й день, в 10-й год от века...
И на продавленной тахте, как на одре,
Лежал сухой остаток человека.

Два белых ангела за письменным столом,
Достав из сумочек какие-то тетради,
Пытались склеить, на сестру не глядя,
Её угасшей жизни тихий слом.

Пришёл розовощёкий капитан
Милиции и, не стащив фуражку,
Спросил: «Буянила?». И дал свою отмашку
Сестре на путь в небесный караван.

*

«...Вы развратите всех моих сестёр!» —
Кричала зав сердечным отделением.

В ответ на просьбу продолжать лечение
Девятым валом нарастал отпор.

«Вы что, не видите? Она неизлечима!
Ей уготован скорый сердца срыв...»

Но человек ведь! Господи, помилуй,
Покуда он неизлечимо жив...

«...У нас больница не сестринского ухода.
Мы никого не провожаем в дальний путь...»

Передо мной войны предстала жуть
И путь её, сестринского исхода...

*

С того июня семь десятков лет.
От окон тех, заклеенных крест-накрест,
Сквозь Время протянулся дымный след
И сквозь испепелённое Пространство.

Там юноши, сгоревшие в огне.
Подруги, обделённые любовью...
И годы, в жертву отданные мне
Сестрой, сроднённой материнской кровью.

Она меня качала на руках.
Она меня таскала на закорках...

Покоится её остывший прах
В могиле на кладбищенских задворках.

*

Живите, зав сердечным отделением.
Живи, розовощёкий капитан.
Живите все, нетронутые тлением
И болью незаживших с детства ран.

Живи, страна сестринского ухода,
Где, как дымок погасшего костра,
В заоблачную нежить небосвода
Ушла тобой забытая сестра.

Живи и помни, как на сердце горько,
Когда стучит сестёр горячий прах.

Они тебя таскали на закорках.
Они тебя качали на руках.

Трофей

Хоть в комнатушке было очень тесно,
Стояло, спинкой прислонясь к стене,
Глубокое, в цветах по плюшу, кресло —
Трофей, отцом добытый на войне.

Ломберный столик, дамский пистолет,
Салазки, чтоб зимой кататься с горки.
И детский трёхколёсный «лисапед»...
И сладкий запах трубочной махорки.

Всё это было страшно интересно
В мальчишеской, после войны, игре.
Но кресло...
Ах, какое было кресло!
Альтернатива войнам во дворе.

Мне не было вещей душевно ближе.
Я в этом кресле жил, пока был мал.
О Боже, сколько разных умных книжек,
Свернувшись, в этом кресле прочитал!

За годом — год. За веком — век.
На сломе
Лет, отошедших в прошлое до срока,
Оно украсило собой садовый домик,
Живя в нём тихо, мирно, одиноко.

...В морщинах плюш, как кожа в старом теле.
И, словно горькой старости удел,
Его пружины тяжко заскрипели,
Когда в него другой хозяин сел.

И вот в недавнем теплом сентябре,
Когда весь мир был солнышком омытый,
Я вдруг увидел кресло на костре.
Трофей, отцом на той войне добытый.

Костер сжирал его внутри, вовне,
Выбрасывая огненное жало.
А я смотрел, как в страшном том огне
Вторая мировая догорала.

Боль

Детям войны

Он молча прыгал на одной ноге.
А там, где Бог сумел создать вторую,
Белели кости в предвечерней мгле
И тихо кровь лилась на мостовую.

Опорой для него была ладонь
Мужчины в кепке, в сапогах гармошкой...
А по земле стелились гарь и вонь
От взрыва, что взгремел не понарошку.

То был пацан с соседнего двора
На год или на два меня постарше...
Я только знал, что звали его Сашкой.
Что мяч гонял он с самого утра.

Весь тот осенний вечер в борозде
Копала мама на зиму картошку.
Копали справа, слева и везде...
И я копал. Конечно, понемножку.

И вдруг она ударила, волна.
И отозвалась болью в перепонках.
Вздохнула мама тяжело: «Война...».
А я заплакал и отполз в сторонку.

В сторонку...
...И вперёд сквозь толщу лет.
Где, на костыль привычно опираясь,
Он молча созерцал, как на проспект
Вошла колонна, подло ветеранясь
Значками напридуманных наград,

Погонами каких незнамо армий...
Но Сашка, навсегда войною раненый,
Не умещался в этот странный ряд.

— Вы помните, — спросил тихонько я, —
Тот вечер? Мы копали там картошку...
Он посмотрел с улыбкой на меня:
— Ну да, картошка — это не бомбёжка...

И вдруг он страшно поднял свой костыль,
Кресту, как на Голгофе, уподобясь.
Вот, собственно, и вся про Сашку повесть.
Точнее, сага.
А точнее — быль.

*

Мне кажется, был год 46-й.
47-й? А может, 45-й...

Крест памяти.
И мы на нём распяты.
И терпим.
Хоть и нестерпима боль.

Змест

Только тот, лебединый, тот единственный взмах

16+

Літаратурна-мастацкае выданне

Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў
«Кнігарня пісьменніка»

Выпуск 113

Ваганаў Сяргей Давыдавіч

Я ВЕРУ Ў ЦУД

Вершы розных гадоў
(1963–2018)

Адказны за выпуск *Г. Вінярскі*
Рэдактар *Б. Пятровіч*
Вёрстка *Л. Гарадзецкай*
Карэктар *З. Шклянік*

Падпісана да друку 27.11.2018. Фармат 80×100 1/32.
Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 6,48 + 0,42 укл. Ул.-выд. арк. 4,22.
Наклад 200 ас. Зак. 489.

ПУП «Кнігазбор».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюдніка друкаваных выданняў № 1/377 ад 27.06.2014.
Вул. Я. Лучыны, 38-93, 220112, Мінск.
Тэл./факс (017) 207-62-33, тэл. (029) 772-19-14, 682-83-86.
E-mail: bkniha@tut.by

Надрукавана з арыгінала-макета заказчыка ў ЗАТ «Аргбуд».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюдніка друкаваных выданняў № 2/182 ад 15.02.2016.
Вул. Берасцянская, 16, 220034, Мінск.